

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

RUSSIAN LIFE DAILY, PUBLISHED
BY THE RUSSIAN LIFE INC.

58 Sutter Street, San Francisco, Calif. 94115.
1-5380. Entered as second class matter August
at the Post Office of San Francisco, California
under the Act of March 3, 1879.
President Editor

«Книжная полка»

TUESDAY, OCT. 2, 1979

«ДИПИ»

Уже сколько раз имя Е. Кукловской появлялось на этих страницах. Действительно, как отмечалось, скромный союз писательницы с композитором (ее мужем) не раз радовал нас, особенно родителей, сказками, рассказами, песенками и инсценировками для детской самостоятельности. И что просто непостижимо, они делали это и рассылали бесплатно. Да, да - бесплатно, делая все за свой счет. О, Господи, во имя чего?! Они только хотели помочь родителям сохранить у детей знание русского языка. Разве это не подвиг сегодня?! Особенно надо отметить большую и талантливо написанную поэму (в 3-х частях) о наших скитаниях и мытарствах по белу свету: 1) «МЕТЕЛЬ», 2) «БЫЛОЕ» и 3) «ДИПИ».

И вот только сейчас вышла третья часть. Начинается она с «барачной» жизни, в ожидании проверок перед отъездом в разные края.

Покинули мы все тебя, Россия!

Но ты детей своих бежавших, не суди!

Как поразительно правильно описывается в звонких, звучных стихах эпопея переезда через океан, типы людей и их характеры. И вы, читая эти легкие стихи, невольно вспоминаете свой путь, свои думы, в те тяжелые дни переезда из Европы на другой материк. И все это ярко, как на экране! Да, да, было так, было! А праздник Нептуна на пароходе? Как это радостно вспомнить. Да, годы промчались! Хотя и разъехались по всему миру,

Елизавета Кукловская

ДР

ПРИБЫТИЕ ДИ. ПИ. В НЬЮИОРСКИЙ АЭРОПОРТ В 1950 Г.

"Ди. Пи." это третья и последняя книга
из трилогии о второй мировой войне.

Выношу глубокую благодарность моему мужу
Киру Григорьевичу Кукловскому за оказа-
нную им помощь в создании и в опубликова-
нии трилогии: "Метель", "Былое" и "Дн. Пи."

Publishing Co.

"Books by Mail"

519 Union Avenue,

Paterson, New Jersey 07522

U. S. A.

ОТ РЕДАКЦИИ.

После окончания второй мировой войны, миллионы людей из СССР и восточной Европы, которая была захвачена коммунистами, отказались возвращаться на родину. Их силой отправляли к Сталину на верную смерть или в ссылку. Согласно Ялтинскому соглашению было репатрировано несколько миллионов военнопленных и гражданских лиц. Многие кончали жизнь самоубийством, предпочитая смерть возвращению в СССР. Благодаря вмешательству главнокомандующего союзными войсками генерала Д. Айзенгауэра насильственная репатриация была прекращена, всем оставшимся беженцам в западной Германии надо было документально доказать: 1) что они были насильно вывезены в Германию на принудительные работы, 2) что они не проживали на территории СССР до 1939 года и 3) что они не воевали против союзников. Многим, спасая свою жизнь, пришлось менять свои имена, место рождения и всю биографию, подтвердив это фальшивыми документами и тогда они могли получить статус—Displaced Persons—D. P.—Перемещённых лиц, сокращенно "Ди. Пи." Впоследствии, благодаря созданной интернациональной организации "УНРА.", в дальнейшем переименованной в "ИРО", Ди. Пи. были вывезены в разные страны Западного мира на постоянное жительство. Книга "Ди. Пи." является последней книгой трилогии о второй мировой войне—Елизаветы Куковской—"Метель", "Былое", "Ди. Пи." В этой трилогии нет ничего выдуманного, перед нами—живые люди, метущиеся в ужасах войны и стремящиеся всеми силами выжить после её окончания.

От автора.

Собрать в одно: суть жизненной поэмы,
Шум улиц, свет, привычки, нравы и мечты,
Как подвести к ним мира теоремы?
Как оживить их взгляд сознанием красоты?
Ответа нет. Но существуют рядом
Все эти образы и лица и глаза,
Вглядеться б в них, от пристального взгляда
Укрыться никому и ничему нельзя...
Писателя призвание лишь в этом,
Так повторял неоднократно Джан Стайнбек,
Послушаем и мы его совета
И пусть увидит человека человек!

Введение.

К тем берегам далеким незнакомым,
Куда стремился дух отваги волевой,
Игрою странных жизненных изломов,
Судьба и нас, мой друг, забросила с тобой.
Пленивши красотой Маинрида
И Джека Лондона, нас с юношеских дней
К себе звала, манила "Атлантида" —
Страна иных свобод и жизненных страстей.
Сказанием своим о Гайавате
Лонгфэлло многое давно поведал нам
И мы, надежде вверившись крылатой,
Летели и плыли к заветным берегам.
Кто были мы? Крупинки душ простые,
Как Галич написал про нынешний поток,
Мы, как они, мы были плоть России,
Своей родной земли оторванный кусок.
Придумал запад нам стандартно кличку:
"Ди. Пи." Отметили. Не все ль равно — Ди. Пи.
Сильна, как в Теркине, у нас привычка:
Пока, быть по сему, положено, терпи!
Ведь в жизни мы познали столько горя:
Гнет лагерей, войну, страх выдач, голод, плен,
И вот для нас свобод открылись зори,
Сверкнув надеждою желанных перемен.
Бежавший остовец, казак, писатель,
Иван Денисович — христианский мирянин,
Портной, артист, вор, власовец, мечтатель,
Моряк, стахановец, профессор, селянин.
Герои повести достойной Мурта,
А также множества писателей других,
Земные люди всяческого сорта —
Живая смесь людей хороших и плохих.
Нам маяком невиданной свободы
Открылся новый мир под натиском войны,
Перемещались, двигались народы
И жизнь звала нас вдаль, к огням чужой страны.
Хотелось бы и мне, друзья, немного
Поведать о судьбе заморской земляков,
Нас всех одна вела туда дорога
К неведомым краям далеких берегов.

Транзитный лагерь... Наш этап сомнений
И в памяти опять проходят чередой, —
Бараков серых вещи строенья
И громкий плач детей в бессоннице ночной.
Последний пункт проверок и допросов.
Вот на полу в углу барака номер семь,
(На них другие люди смотрят косо),
Лесь с Надей извелись, замучались совсем.
Сънишка не смолкает третьи сутки,
А в этом лагере ввели закон такой:
Отложат выезд, если болен; жутко
Становится от этой мысли от одной!
Проверки, документы всё сначала...
Кричит младенец дни и ночи напролёт,
Пока судьба им все же помогала,
Днём завтра списки подают на самолёт.
Их по ошибке, кажется, пустили
Сюда в седьмой барак три дня тому назад,
Другие почему то все закрыли
Недели на четыре, будто, говорят.
А здесь пока соседи терпят вроде,
Но все же очень всем мешает сына плач,
Иван—сосед, сердечный по природе,
Главнейшую одну из всех решил задач:
Достал лекарство маленькому где то,
"Давайте перед тем, как "к дохтуру" идти,
"Могим натрапать ейные секреты,"
Советского, знай брат, не провести!
Дитё заснет, пропустят беспрерменно,
"Хфамилий" двадцать по "алхвавиту" возьмут,
Моя в конце (он выругался скверно),
Валите поскорей, без вас здесь отдохнут!"
Его жена смазливая Галина
И даже дочка Валька шустрая трёх лет
Обиделись—мешают крики сына—
Они как раз сейчас "справляют свой обед".
"Нэ хбчу!"—Громко заявляет Валька,
Галина: "Потому мешает ей пацан!"
"Ей жрать пора, не балуй ее, Галька,
Влиплю чичас обоим,"—сердится Иван.
"Тогда давай сюда! Хочу я здесь повыше!"
И девочка смеясь взбирается на шкаф,

"Эх, вся в отца, задористая, тише,
Молчи!"—кричит Иван тарелку вверх подняв.
Со стула Галя из тарелки дочку
Вздыхая часто кормит ласковой рукой
И Валька в синем Галином платочке
Слезает вскоре вниз обед закончив свой.
Такая процедура не впервые
Следят десятки зорко за девчонкой глаз
И все они тоскуют по России
За океан, стремясь в далекий путь сейчас.
Стахановец Митро в дверях со взрослой дочкой
"Во, Батько!"—говорит к соседу наклонясь,
"Эх, знатно отобедали и точка!"
А старичок сосед кивает, помолясь;
"Сподобились откушать, как на Пасху,
Пусть помогает грешным милосердный Бог!
Ребенок вырастет с отцовскою закваской,
Иван, хоть баламут, да многим он помог!"
И разговор опять о главном самом:
—Так вам в Австралию? Знать далеко, куда?
И худенький профессор с толстой мамой
—Они в Бразилию, то вовсе не туда!
—Портной уехал днём в Венецуэлу,
Оставил сына он в Европе моряка,
—Ты в Аргентину?—Жынка захотела!
—А Вы?—В Америку, пропустят ли сынка?—
И снова вздох, увидимся ль, родные,
Как много всяких стран заморских впереди,
Покинули мы все Тебя, Россия,
Но Ты детей, своих бежавших не суди...
И разговор, как плач усталой ночи,
Пугает заглушив крик совести больной.
Россия, кто же добровольно хочет
Расстаться навсегда безвременно с Тобой?

Ди. Пи. везут с детьми на самолётах,
Везут на грузовых торговых кораблях,
Спешат программу выполнить по квотам,
Решая многие вопросы на местах.
И. Р. О. работу в августе кончает,
Отброшен ряд формальностей теперь
И день для нас желанный наступает:
Нам в новый мир свобод открыта жизни дверь!
На корабле в Австралию качаясь,
Среди бесчисленных беспомощных людей
Блондинка Зоя резко отличалась
Весельем молодым и внешностью своей.
Муж был при ней, имел свои приметы,
Но всюду лишь была видна она одна,
Всегда изящно и к лицу одета,
Всегда толпой людей других окружена.
Она и пела, мило танцевала,
Артистку всё таки всегда легко узнать,
С ее приходом радость оживала
И серый будний день готов был засиять.
Как будто бы сносились легче качка,
Однообразность далее водяных дорог
И песню Зоину "Стань у плетня, казачка,"
Казалось бесконечно каждый слушать мог.
Сам капитан, взгрустнув порой вечерней,
Случалось приходил послушать песню ту,
Он русских слов не понимал наверно,
Но видно чувствовал напевов красоту,
И обратил внимание на Зою
Матросы говорили-лэди, спору нет!
Хоть русская, да дело, знать такое,
Заморская любовь бывает, не секрет...
Кокетничала Зоя с капитаном,
Как, впрочем, и с другими, муж её молчал,
Припадками болезни беспрестанно
Мучительной морской, как многие страдал.
Казалось тверди не было на свете
Лишь вечно движущейся палубы туман,
С утра сегодня дует сильный ветер,
Сереют небеса, влахмачен океан.
Не видно длинокрылых альбатросов,
Бушует океан и шторм на нас идет,

Сирена воет, бегают матросы,
На рубке капитан приказы отдает.
А в трюме переносят, тянут грузы,
В каютах по минутам возрастает страх
И щупальцами тучи, как медузы,
Скользя охватывают небо на глазах.
Совсем стемнело, молния блеснула,
За нею тот час грянул, раскатившись гром,
Полился дождь, подняв, корабль качнуло,
Ударив всплеском волн, несущихся кругом.
"Знать, погибать придется нам в дороге!
Ох, не доехать, видно, до чужой земли!
Вставай, казак, "" Меня не держат ноги... ""
"Спасательные нам жилеты принесли,
Так, надевай! "" Мутит от качки душу,
На ночь готовиться на лодки в океан?
Пришел конец! "" Да, ты его не слушай!
Своей Софроневне подай воды стакан! ""
"Не сможет выпить, извелась... "" Вестимо,
У всех нас внутренности вывернуло, брат,
О, пронеси, Господь, несчастье это мимо!
Не дай нам умереть, дороги нет назад! ""
Недаром капитан отметил Зою,
Она не растерялась даже в этот час
И чем могла пыталась успокоить
Растущий всюду страх и панику сейчас.
Но прихоти изменчивы стихии:
Раскат грозящих волн, гремющий гнев грозы,
Вдруг стихло всё и звёзды золотые
Рассыпались вокруг по вспыхнувшей стези.
За ними вслед взошла луна сияя,
Лаская верностью холодной небосвод
И океан от бури отдыхая
Обрызгивал корабль усталой зябью вод.
"Теперь доедем! Звёзды то какие!
Гляди какое небо, Господи, прости! ""
Ди. Пи. заснули, может быть, впервые,
Измучившись вконец от долгого пути.
Не потому ли Зое ночью этой
О жизни капитан рассказывал своей,
Заветных дум поведав ей секреты
На палубе пустой вдвоем оставшись с ней.

Как трудно в душу заглянуть без стука
Случайным странникам из столь различных стран
И дружески протянутую руку
Доверчиво без слов принять, как талисман.
Без словаря понятны стали фразы:

В Австралии тепло, там лето круглый год,
Цветы акации сияют как алмазы
И звонких певчих птиц мулга* к себе зовет.
Кокосовые пальмы, хлебные деревья,
Куантас в листьях эвкалиптуса живут,
Меринбсы меняют путь кочевья
И сказочно сады Тасмании цветут.

Порты, кораллов диких гордые откосы,
Пустыни красные тропических песков,
Ехидны, кенгуру и утконосы
И страусы в тени алеющих кустов.
Там места хватит всем, всем будет славно,
Полюбится другим и ей его страна,
Хоть Зою он узнал совсем недавно,
Но в сердце навсегда останется она
И Зоин голос зазвучал ответно,
О муже промолчав, намеренно своем,
Всё о себе, но с грустью незаметной,
Так искренно, без лжи, с подъёмом и огнем.
Любила многих, может быть, не долго
И были у нее прекрасные друзья,
Она в России родилась на Волге,
Училась с детства петь, без песни жить нельзя!
И отчего то даже рассказала
О Лесе с Надей—двух ее больших друзьях,
О том, как и она им помогала,
Они в Америку уехали на днях.
Конечно, Леся знала раньше Нади,
Бывало пела под оркестр его не раз,
Любила выступать с ним на эстраде,
Вы песни слышали, я пела их для Вас!
Война людей развеяла по свету,
Уехал Лесь в Париж, там жил его кузен,
Лесь был женат на Асе, важно ль это?

* Австралийское плодоносное дерево.

День встречи с Надей вызвал бурю перемен.
Любовь своею властью побеждает
Границы всех земных незьблимых вершин,
Судьбу людей она легко решает
Беспорным волшебством всевышним в миг один.
Короче говоря, они назад вернулись,
Друзей у Леся с Надей больше не нашлось,
Знакомые от Леся отвернулись,
Им очень тяжело в Германии пришлось.
Работы не было и голодали,
А документы нужно было доставать,
Но статуса Ди. Пи. не потеряли
И визу, как и все другие, стали ждать.
Друг друга так тогда они любили,
Родился сын у них, понять я не могла
Любви такой. Вы мне глаза открыли,
Да! Встречи с Вами я всю жизнь мою ждала.
Как будто всё мне сделалось понятней,
Найдем в Австралии мы счастье и покой,
В Россию нет дороги мне обратной,
Но я, как все Ди. Пи., везу ее с собой.
О, русская земля многостраданий,
Гордимся мы Тобой, величьем звёзд Твоих
И в Зоинных глазах, слегка печальных,
Огонь горит тоски созвездий голубых:
По журавлям, рябинам и березам,
Обветренным долинам, липам, тополям,
Вишневым рощам, радугам и грозам,
Заснеженным погорьям, нивам и морям.
Как странно, капитан увидел это
Своими зоркими глазами моряка,
А может тайна синего рассвета
Для всех когда нибудь становится близка.
Тропинкой рока вьются наши встречи,
Помимо нашей воли, нет для них межи,
Зато их каждый шаг увековечен
Пророчеством бессмертия земной души.
Всё может быть, мы этого не знаем,
За океан везут Ди. Пи. в далёкий новый свет,
Мы новых бурь от жизни ожидаем,
А к бурям прошлого у нас возврата нет...

Билл Халлидэй, как все американцы,
Любил подчас блеснуть словами и собой,
Военной формы вытощенным глянцем
И шапкой летчика с каймою золотой.
Высокий, сероглазый, интересный,
Большой у девушек имеющий успех,
Партнер всегда для дам на танцах лестный,
Знарок поверхностный суждений здравых всех.
Билл обожал военную карьеру
И форму летчика, отчасти и себя,
Был храбрым и красивым офицером,
Днем жил сегодняшним о прошлом не скорбя.
Да и хорошего то в прошлом было мало,
Отца не помнил он, а только мать одну,
Она одна его и воспитала
И это, кстати, ей не ставил он в вину.
Вошедши в жизнь гигантскими шагами,
Огромный опыт вынес в спешке школьных лет,
Доставив огорчений много Маме
И самому себе ненужных лишних бед.
Бывало всё и воровство и пьянство,
Приходы с танцев запоздалые домой,
Судимость за дебош и хулиганство
И связь скандальная с сомнительной звездой.
Потом внезапно изменился впрочем,
На путь иной заметно резко повернул,
Мать удивив своим решением очень:
Без вызова пойти в воздушный флот рискнул.
Хоть в отпуск приезжал довольно редко,
Но сердце матери утешил наконец
И с гордостью могла она соседкам
Рассказывать о том какой он молодец.
Как наша быстро молодость проходит
В сумбуре бурной перемены быстрых дней,
Как далеко нас зов судьбы заводит
По службе прилетел в Гонк Конг Билл Халлидэй.
Один фокстрот с французенкой Жаннеттой
И вот на карту жизни всё поставил Билл,
Во тьме войны он в ней источник света
Нашел себе живой среди других светил.
Потом отвез к слегка печальной Маме,
Американских свадебных традиций стиль,
Отвечен брак успешными годами:
Они имеют дом и свой автомобиль.

Малютку дочку на руках качая,
Билл приезжает, правда, только дважды в год.
Он сам при виде слёз Жаннетты обещает
Удвоить в будущем свой денежный доход.
Теперь Ди. Пи. перевозить придется,
Закончилась вчера жестокая война
И скоро жизнь нормальная начнется,
А дома ждут его и дочка и жена.
Но всё же для чего Ди. Пи. нам эти?
У нас и так своих в стране хватает бед,
Зачем нам эти взрослые и дети,
Мы даром прокормить не можем целый свет!
Вдруг робко жалость в сердце Билла вкралась,
Спит тихий мальчик на коленях у отца,
За что вина войны на нем сказалась?
Взор Билла потеплев, растаял до конца.
Но ручкой шею сжавши деловито
Тотчас к его лицу кокетливо склонясь
Малютка дочка Билла Маргарита
Изгнать из мыслей всё стремится торопясь.
Как далеко до города родного,
Ди. Пи. проверены по спискам на местах,
Ему до них нет дела никакого
И снова серый лёд блестит в его глазах.
Билл Халлидэй, американский летчик,
Поговорить бы нам с тобою по душам,
Но нет нельзя, нам нужен переводчик,
А позже? Может быть... Удастся ль это нам?
Всё рассказать правдиво бы друг другу,
С тобою жители планеты мы одной
И может поразмыслив на досуге
Ты все же нас поймешь, вняв правде роковой!
А мы тебя, пока не соблазнила
Шальную душу гонка за наживой благ,
Пока мы чтим с тобою символ силы
Оставшихся свобод—американский флаг.
Возможно нам вновь встретиться случится,
Судьба порою всех в тупик заводит нас,
Нам этот разговор, быть может, пригодится
И было бы умней всё объяснить сейчас!

Как изменилась техника однако!
В Америку летели двадцать семь часов,
Инвентаря живого из бараков
Везли посуточно по сорок пять голов.
Теперь за шесть часов бывает перевозка
По триста человека больше каждый раз,
Дистанции любые, переброски,
Легко проводят навигацию сейчас.
Но это только к слову, а "диписту"
Считаться не пришлось со скоростью большой,
Над океаном реять в небе чистом,
Рискуя, как и все, своею головой.
И все таки считать себя счастливым,
Мол, победителем я вышел из борьбы!
Хоть в небе и, отчасти, сиротливым,
Как будто брошенным на произвол судьбы.
Прорезались у сына ночью зубы,
Как только сели в долгожданный самолёт,
Он замолчал и, будто, стиснув зубы,
Готов с другими был отправиться в полёт.
Вмиг задремал на Надиных коленях,
Потом передан рядом Лесю был во сне
И сладко погрузившись в сновиденья,
К дороге дальней приготовился вполне.
Не так легка была эта дорога,
Да и к тому же были остановки две, ,
Но положились мы на волю Бога,
Хоть мысли грустные мелькали в голове.
А ночью над бездонным океаном,
Еще пришлось лететь нам выше облаков,
"Дэ бэлтс ан!" — Зажигалось на экране
И нас тревожила неясность новых слов.
К сиденьям прикрепляла стюардэсса
Ремнями поясов растерянных людей,
Следил за этим, не без интереса,
Помощник летчика в очках Билл Халлидэй.
Ди. Пи. , конечно, многим отличались
От прежде виденных людей им до сих пор,
Они молчали и не улыбались,
На дикарей сходил их вид и разговор.
Фруктовый сок в стаканчике бумажном

Со страхом нюхали по несколько минут,
А если кто и выпивал отважно,
Не говорил при этом: "гут или не гут!"
Молились странно с необычной силой,
Два голоса звучали часто в тишине:
Один по русски: "Господи Помилуй!"
Другой: "Шемá," пел по еврейски "Эсра́йлэ!"
"Нас сохрани своею благодатью!"
Слова несли крепчайшей веры глубину
И то же по еврейскому понятью:
"Эха́д Адона́й, Адона́й Элогену́!"
А спали в эту ночь лишь только двое:
Отец и с ним его ребенок на руках,
Другие бодрствовали беспокойно,
Но страха не было совсем у них в глазах.
А одному мужчине стало плохо,
Но никаких лекарств принять он не хотел,
Так до утра стонал и громко охал
И, лёжа на полу, за ночь переболел.
На утро как то все повеселели,
Для сына молоко консервное нашли,
Глаза у стюардэссы потеплели,
С сидений ремни сняли, кофе принесли,
Булавки и бумажные пелёнки,
Таких мы никогда не видели бумаг!
Но, к сожаленью, организм ребенка
Не принял молока консервного никак.
Сосед тут из за пазухи мешочек
Своих заветных черных вынул сухарей—
"Бери сухарь и не тужи, дружочек,
Оно с харчами то своими нам верней!"
И только на вторую остановку
Дипистов повели обедать в светлый зал,
Билл Халлидэй по парам ставил ловко,
Фамилии по списку бодро проверял.
На нас надето лучшее всё было,
Но тяжело вспомнить нам сейчас минуту ту,
Стена зеркал печально отразила
Фигур потрёпанных и серых нищету.
Столовая сверкала чистотой,

А скатерти давно забытой белизной
И хлеб и сахар на столах, не скроем,
Без карточек и норм, смутили наш покой.
И надобно признаться мы "нажали"
Тогда на это всё с усердием большим,
Нам что то на тарелках подавали,
Но хлеб и сахар были самым дорогим!
Одним лишь нам понятны эти чувства:
Ешь не хочу! Свобода? Как же это так?
Не сказка ль это? Не обман искусный?
А мы не зрелище ль смешное для зевак?
Теперь, возможно, нас бы не смутила
Любая экспозиция земных страстей,
А вот тогда обидно как то было,
Смотрели все вокруг на нас, как "на зверей."
Прошло и это, отошло в преданье,
Но, правда, в памяти у каждого из нас
Живет та встреча первого свиданья
С богатым, сытым миром даже и сейчас.
Но близится полёт к конечной цели,
Нас легендарная ждет Статуя Свобод,
И мы, как пилигриммы, в самом деле,
Стремимся сердцем к ней и нас она зовет!
Но вот огнями букв зажглись экраны:
"Дэ Лэндинг!" — слово непонятное опять,
Кулёчки выдают с улыбкой странной,
Показывая нам, как надо их держать.
Воздушных ям нежданная атака,
То вверх летим качаясь, снова круто вниз,
Взлёт снова вверх, один кривой однако
И снова в пропасть с быстротою понеслись.
Кулёчки оказались нам полезны,
В ушах и шум и звон, порой рябит в глазах,
Страдают многие морской болезнью,
А в сердце наше снова подползает страх.
Радары и контроль приёмных станций...
Теперь компьютеры всех видов и сортов
Нам дырочками черными квитанций
Подводят весело итоги катастроф.
Совсем недавно пассажиров двести,

Рукой ли контролера, волей ли машин
С аэропланом пострадали вместе,
Попавши в эту сеть воздушных котловин.
И без компьютеров, мы скажем откровенно,
Минуло четверть века с той поры, друзья,
Нам было так неповторимо скверно,
А каждый миг пугал, опасностью грозя.
Но видно к нам судьба благоволила.
Америка свобод, дерзаний и ветров!
Нога Ди. Пи. бесстрашная ступила
На землю дальних незнакомых берегов.
А в этот самый день в порту Нью Йорка
За пароходом разгружали пароход,
Осматривал Ди. Пи. с узлами зорко
Таможенных властей приветствующий взвод.
Налажена проверка быстро, четко:
По разным этажам ведут туда, сюда,
"Нет радио? Оружия? Нет водки?
Прививка? Имя? Направление куда?"
Просматривают наш багаж гуманно,
Со снисхождением большим, пожалуй, к нам,
Дивятся старым чемоданам странным,
Баулам и узлам, мешкам и сундукам.
И содержанием "богатств" дипийских,
Каких сюрпризов только не было для глаз:
Вот старенький платок, лампадка, миска,
Мука, слегка погнутый для варенья таз,
Папаха, медный самовар, уздечка,
Замытое бельё, мешочек сухарей,
Икона, ложка, чашка, соль и свечка
И в тряпочках земля покинутых полей.
Не без обид случилось и курьёзов:
Спросили Леся—отчего так много нот?
А у Луки Петровича Мороза —
Зачем картошку он в Америку везет?
Э, музыкант! —И ноты пропустили
Луке Петровичу—Нельзя, закон такой! —
Картошку взять, увы, не разрешили,
А он для опыта привез ее с собой.

Свящинских на прививку взяли снова,
Телёнкиных куда то дальше отвели,
Субницким две анкеты дали новых,
Курипочкину с кем то в лифте повезли.
Собрали многих в зале ожидания,
Других по зонам стали сразу развозить,
Настало время новых испытаний,
Калейдоскопом лиц страну не удивить.
Новоприезжих масса растворялась,
Потоки из Ди. Пи. по Штатам потекли,
Страница новой жизни начиналась
Мы, наконец, тебя, Америка, нашли. . .

*

Всё дальше мы плывем на славной "Нэлли".
Австралия—путь дальний—двадцать пять деньков,
Морской болезнью мы переболели,
Шторм пережили, бурю, ветер в шесть баллов.
Одно осталось не совсем понятным:
Команда корабля должна быть всем в пример,
В ней часто шел кутёж невероятный,
Особенно старался главный инженер.
Когда пришли к Суэцкому каналу,
Он вдруг в порту Саиде с корабля сбежал
И ждали восемь мы часов, пока его искали,
Он где то в кабаке портовом выпивал.
Нашли его по логике догадок,
Матросы на корабль на наш перевезли
И он с трудом приведен был в порядок,
Тогда мы только в путь отправиться смогли.
А вот и переезд через экватор,
Начало празднества с шести часов утра
И, впрямь, корабль, как будто стал театром,
И, будто, бури вовсе не было вчера.
Актёры все, включая капитана,
Им пена мыльная разведена в котле,

Матрос с метровой бритвой деревянной
Подряд всех ею "бреет", сидя на столе.
Готовится по строгому порядку
Затем купания всеобщего обряд—
Для женщин загородка из палатки,
Мужчины тут же в ожидании стоят.
Приказ гласит: спешите раздеваться!
Пожарный шланг большой приволокли,
Все в очередь! Под воду! Очищаться!
И все до одного чистилище прошли...
Струей воды окачены холодной,
Закон!—без этого не пустят никого!
Так повелел "Властитель" бездн подводных
И никому нельзя ослушаться его!
Все вместе мы процессией живую
Корабль вокруг обходим раза три подряд
И сам "Нептун" со свитой водяною
И с дамою—писцом приветствует парад!
Он с бородой огромной из мочалки,
"Писец" с зеленою заплетенной косой,
В чешуйчатых одеждах три русалки
И дух один смешной хвостатый водяной.
Проверка кончена—"Нептун" решает—
Традиционный пропуск можно подписать,
Корабль мы за экватор пропускаем,
Пожалуйста к столу бумаги получать!
"Нептун" садится в позе важно строгой,
А дама быстро документы раздает,
Расставил "водяной" стаканов много
И в них старательно спиртное что то льет.
Для каждого стаканчик джина,
Нептунусу и писарю "хип, хип, ура!"
В честь океанской бездны властелина!
А дальше —пей, танцуй до самого утра!
Как славно Зоя пела капитану,
А он транслировал по радио для всех
И краковяк на стареньком баяне
Про Жучку с Шариком под ручку вызвал смех.
Все веселились, пили, танцевали—
Матросы, капитан и главный инженер,
Последнего усердно угощали,
Напраздновался он вторично свыше мер.

Ди. Пи. и те от праздника такого
Ободрились, гляди, и сердцем и душой
И джина выпили, земляк, мы много!
"Грешны сегодня все, не только мы с тобой. "
Софроновна и та повеселела,
Приняв участие со всеми в кутеже,
Не помнит как вскарабкаться сумела
На койку на свою на третьем этаже.
Австралия—конец "дипийской" эре,
Глянь, солнечный закат невиданных цветов
И небо всё цветное сине—серых,
Голубовато нежных розовых тонов.
На солнце жарко, а в тени прохлада,
"Не слышу ничего, кровь прилила к ушам!"
"Недели две так будет. " "Значит надо!
Ходить вниз головой привыкнуть нужно нам!"
Страна и люди очень неплохие,
Конечно, всё зависит от себя самих,
Здесь жить и умереть! Прощай Россия!
Австралия взяла к себе нас как родных.

*

Тяжелый, липкий воздух неподвижен,
Тропической жары преследуя кошмар,
День долгий медленно минуты нижет
И небо ранит солнца мутно красный шар.
Задёрнутый вуалью влаги вечер,
С давящей, мокрой, тяжкой, душной тишиной,
Прохладой и уютом не отсвечен,
А дышит, как и день, немислимой жарой.
Горячий воздух вентилятор гонит
От стен вперед столбом и снова к ним назад,
Зной жаркой ночи сна покой хоронит
И бисер пота рассыпает невпопад.

Поистине зачем то создан Богом
Разнообразный климат поясов земной
И не судите дальний север строго,
Юг тоже не для нас, ни летом, ни зимой.
Венецуэла, Чилли, Аргентина,
Бразилия—места извечного тепла,
Они прекрасны может на картинах,
Но в них сначала нас жара здесь извела.
На обращение к нам обиды нету.
Пристанище и тут свое нашли Ди. Пи.
Как много русских разбрелось по свету,
Привыкнем и к жаре, судьбу не торопи!
И в странах этих многие остались,
Не удивляемся сегодня ничему,
И взгляды и суждения менялись,
А приспособиться нам можно ко всему.
Остаться человеком трудно очень,
Закон борьбы за жизнь вопросом был простым,
Ди. Пи. везде трудились дни и ночи
Над бытовым благополучием своим.
В Бразилии мы джунгли корчевали,
Работали на дне Чиллийских рудников,
Поля Венецуэлы засеивали
И Аргентинские стада пасли коров.
Стандарты жизни быстро улучшались,
Свободы новой жизнь давала себя знать,
Мы ко всему успешно применялись
И вскоре нас совсем нельзя было узнать.
Чарует Буйнос Айреса поместье,
Недаром пройден путь лишений первых лет,
С Вербью Шарабанов в день воскресный
К друзьям сегодня вместе едут на обед.
Дом Хризантемова начищен строго,
Отправили с утра к родителям детей,
И новосшитых занавесок много,
И ждет нарядный стол с напитками гостей.
Механик Хризантемов именинник,
А Шарабанов кум и человек с деньгой,
Вербя—незаурядный собутыльник,
К тому же, как никак, он шурин кумовой.
Конечно, есть еще одна причина:
Особый разговор с друзьями провести,

Они з Нью Йорк летят из Аргентины
И справки надобно об этом навести.
Сам Хризантемов бы поехал тоже,
Доллары собирать, на улицах лежат,
И эта мысль его весьма тревожит,
Туда уехать все знакомые хотят.
Разъехаться куданибудь стремятся,
Возможно непоседливость в натуре у людей,
Положено судьбой переселяться
И вечно жизненных иных искать путей.
Семейная у кума неполадка,
Скандал произошел недавно небольшой,
Дошло и до блюстителей порядка:
Он сына без жены задумал взять с собой.
Сорвалось им задуманное дело,
Страдает с ним в него влюбленная сестра,
За стопкой шурин слёзы льет несмело
И остальным бы выпить собственно пора!
В знак заверенья дружбы—обещанья
Клянутся кумовья до гроба вместе быть
И в Северной Америке свиданье
Назначили себе, ну как же тут не пить?
Стаканы выше! Лейся водка, виски,
И даже просто Аргентинское вино!
Опустошайтесь блюда, вазы, миски!
За дружбу выпить нам несколько не грешно!
За всё и всех, конечно, понемногу,
За будущий отъезд и так за кумовство,
За север золотой и за дорогу,
За именинника и это торжество!
Веселья нарушать друзей не будем,
Не всем дано узреть грядущей тучи гроз,
Пословицу житейскую забудем:
Сменяет дружбы зной порой вражды мороз!

*

Как много перемен у нас, событий,
Желаний, тщетных жалоб, критики и слёз,
Борьбы, приспособлений и открытий
И постоянных жизненных угроз.
"Скажи, земляк, тебе не без привычки,
Трудиться как никак привык ты день и ночь,
Свобода здесь, невзятая в кавычки,

Ведь подтолкнуть и к своеволию не прочь?"
А первые шаги в свободном мире,
Они для нас так памятно близки,
"Любил, земляк, в своей ты жить квартире,
Иль привыкать тебе в ней было не с руки?"
"Что за вопрос! Мы с самого начала
Свою решили с жинкой хату покунуть,
Бездетные и тратились мы мало,
Могли, работая доллары откладывать.
Сначала трудно было с пониманьем,
Не знали вовсе, правду скажем, ничего,
Помог нам попервах Телёнкин Ваня,
Бесстрашный хлопец, наши знают все его.
Была в Нью Джерзи возле Патерсона
Резиновая фабрика одна, земляк,
Телёнкин в ней устроился с хвасоном,
А люд проведал наш об этом как никак.
Известные изделия резины,
На фабрике Ди. Пи. набралось, Боже мой,
Там босс по русски знал наполовину
И был он, вроде к нам, недобрый и не злой.
Мы все работать стали очень честно,
И нормы выполнять, как говорят, вдвойне,
Так постепенно стали нам известны
Порядки в этой замечательной стране.
Американцев всех мы уважали,
У них все очень хорошо всегда—окэй!
Так пару новых слов и мы узнали,
Тогда и нам с понятьем стало веселей.
Телёнкин Ваня отыскал за речкой
Себе какой то вскоре домик небольшой,
Мы посмотрели это местечко
И прямо заболели с жинкой вдвоих душой.
А после тоже подвернулся случай,
Себе купили там же маленький барак,
Субницкие купили дом получше,
Свящинские и Баламуты тоже так.
И выросло, гляди, свое селенье,
Да только как то каждый, смотришь, сам себе,
Без дружбы проводилось новоселье,
Встречали каждого завистно, по злобе.
Так улучшали жизнь свою помалу,
Ведь наш народ привык копить за счет харчей.

Сад, огород возделали сначала,
Всё перестроили у хате у своей."
"А вот не все, какие городские,
Земляк, остались на "фатёрах" пребывать,
Часы купили, кольца золотые
И сразу с "меблей" новой стали проживать.
Страсть полюбили ездить на курорты,
А есть которые курить и пить пошли,
У нас братвы хватает разносортной,"
"У них гуляла кровь—иначе не могли!"
"А помнишь, той Мороз Лука Петрович?
Гнилой картошкой на таможне вызвал смех,
Свобода, говорил, ценней сокровищ,
Он тоже не отстал от городских "усех".
Рассказывал мне по порядку, ладно,
Начну с Морозова приезда, землячок,
С картошкой вышло, как никак, досадно,
"Увесь" таможники забрали"той" мешок.
Морозу все же повезло немножко,
Таможник, значит, вышел по другим делам,
Лука Петрович подобрал картошку,
Но только лучшую, гнильё оставил там.
Историю картошка та имеет,
Она по памяти, знать, дорога сама,
Мороз с ней опыт сделать свой сумеет,
Хоть может в опыте том пользы и "нэма".
Лука Петрович в Австрии когда то
"Рэбьл" у немца на картофельных полях,
Тогда с харчами было туговато,
Спасался по войне наш люд "в бауэрах".
Попался немец до того скупющий,
Одной картошкой лишь работников кормил,
А все же землероб наш неимуший,
Глянь, даже немца самого перехитрил!
Мороз картошку камушками метил,
Те кустики, где больше, лучше и крупней,
А после он с напарником под вечер,
С двумя мешками, словом, приходил за ней.
Плохого знал не может получиться,
Так размышляет в жизни только честный вор,
Никто не мог на том обогатится,
Да, это только к слову вышел разговор.
Потом картошку эту отвозили

Вдвоем в другой какой то ближний городок,
 А там они менять ее спешили
 На сало и на хлеб, пшено и табачёк.
 Так и крутились с этим понемножку,
 Намётка глаз, везенье значит, видит Бог,
 За труд оплата честная картошкой,
 За жизнь борьба, земляк, жил каждый, так как мог.
 Но было что то вроде утешенья,
 К тому же ловкости природной торжество,
 А также был и опыт и уменье,
 Успехи разума и рук—не воровство.
 Мороз в Нью Джерзи посадил картошку,
 Да только уродить она тут не смогла,
 Весь урожай был на одну окрошку,
 Охота к опыту с картошкой прошла.
 Как истинный сапожник поначалу,
 Мороз на обувный заводик поступил,
 "Полубухалтером" быть перепало:
 В цеху по номерам он стельки разносил.
 А проживал он на веранде вольно—
 Долларов пять на месяц, без удобств больших,
 Борщ с курицей готовил хлебосольно
 И даже принимал гостей кое—каких.
 К природе ближе, воздух чистый значит,
 Да экономия огромная к тому".
 "Бобиль, один, никто в його не плачет,
 Такая жизнь была сподручнее ему."
 "А тоже человек он с пониманьем,
 Кому совет даст дельный, медицину знал,
 Свое имел, видать, образование,
 Что, отчего, чему поможет понимал.
 Он в силу крейды верил, керосина,
 У многих, правда, бородавки выводил,
 Во всем, конечно, главная причина:
 В колхозе человеком медицины был!
 Мог рассуждать часами о свободе,
 Твореньям Божьим умилялся он до слез,
 Он отпуск взял на месяц на заводе,
 Америку объездить порешил Мороз.
 Но карте штаты изучил все срочно,
 Особый человек, совсем как городской,
 Когда вернется познакомлю, точно
 Живет недалеко, сосед он близкий мой."

Америка, Тебе ли не впервые
Народов принимать разноязычных смесь?
И вот опять к Тебе пришла Россия,
Остаться на земле благословенной здесь!
Теперь Ди. Пи— они— Россия эта,
Открыто к человечеству любовь храня;
Они духовных истин ищут света
В потёмках трудной жизни будничного дня.
Обогатиться ль облик Твой душевный?
Ди. Пи. найдут в Тебе ль покой себе земной,
Огонь свобод познав Твоих нетленный
И Божьего величья власти над собой?
Вторая эмиграция России,
Ди. Пи. впервые миф разоблачают лжи
И раскрывают истины простые,
Прорвав теперь границ железных рубежи.
Узнает Запад, не заметив впрочем,
Действительную правду, может, в первый раз,
О власти лжи и непроглядной ночи
Советского режима жизни без прикрас.
Он нас, возможно, так и не расслышит
И не захочет нам поверить и понять,
А будем ли с угрозой непритихшей,
Мы здесь обжившись сами правду повторять?

*

Хвала организации церковной!
Благополучному полёту и судьбе!
Лесь ошутил с семьею, безусловно,
Заботу явную в Нью Йорке о себе.
Нашел их сразу деятель церковный,
Вручил немного Лесю денег, торопясь,
Надел на всех в семье значки проворно
И в свой автомобиль всех погрузил, смеясь.
Отвез спеша к какому то вокзалу
И всех на поезд торопливо усадил,
Рукой махнул приветливо—устало
И за семействами другими поспешил.
Вот закачался поезд равномерно,
Вы путешествовать любили ли, друзья?
Осталась в памяти у вас, наверно,
Поездка в поезде особая своя, . . .
Быть может в детстве первая разлука,

Гудки, дым паровоза, место у окна.
Колес вагонных медленного стука—
Дорожный шум видений в дымке легкой сна...
Вкусней, возможно, не было на свете
Еды из дома взятой раньше никогда,
Воды с сиропом сельтерской в буфете
И вишень, купленных на станции тогда...
Манили, звали синие просторы
Величьем тишины лугов, полей, лесов,
Перекликаясь в памяти упрямно
С знакомой сердцу лаской русских голосов.
Но вот Американского пейзажа
Мелькают быстрые наброски за окном,
Грузовики огромные с поклажей
Спешат, бегут, кружась в потоке бредовом.
Строенья, фермы гордостью машинной
Сияют черными полосками вдаль,
С подчеркнутой заботливостью чинной,
Приветствуя успех возделанной земли.
Дороги, бесконечные дороги,
Бетонной цепью охватившие страну,
Домов одноэтажные чертоги
Богатств большой страны являют новизну.
Автомобили всяческих размеров,
И всяких форм, и видов, марок и цветов,
Летят вокруг по перекатам серым—
Проспектам длинных улиц местных городков.
Пугает жизненного пульса нервно
Гигантской, бешено метущейся, страны
И тяготит сухая безмятежность
Громоздской явью необъятной новизны...
Стада коров упитанным парадом
Бредут на пастбища посеянных культур
И кукурузные полей громады
Сменяют гордо горизонта абажур.
Все новое, невиданно иное,
Культура техники новейшей и прогресс,
Все движется, лишённое покоя,
Спеша понравится картинками чудес...
Лесь с Надей (да и сына тоже взяли)
Отправились поесть в вагонный ресторан,
Но там сначала их не понимали—
Незнание языка—существенный изъян!

Военный в это время завтрак сытный:
Личницы с копченым салом уплетал,
Им показалось это аппетитным
И пальцем на него Лесь молча указал.
Расплата вышла больше чем плачевной—
Им этот завтрак обошелся в семь доллар,
Почти запас всех денег их трехдневный—
Благотворительный церковный щедрый дар.
Задумал Лесь на первой остановке
Извне в дорогу продовольствие купить,
Обидно как то было и неловко,
Но на ошибках нам учиться нужно жить!
В невзрачной первой лавочке в Чикаго,
Хлеб, сало, колбасу, сыр, масло, молоко,
Купил, все эти жизненные блага
За два доллара, Лесь сравнительно легко.
И продащик попался очень славный,
В мгновенье жесты понимал без словарей
И принимал, а это было главным,
С долларами Ди. Пи. он просто за людей!
Косились удивленно пассажиры,
Заметно морщили надменные носы,
Но было ль, чтонибудь милее в мире
Кусочков сала и чесночной колбасы?
Большого поезда, поездки первой
По сказочной стране, подсказанной судьбой,
Под стук колес знакомо равномерный,
Сна радости надежд, читатель дорогой?

*

Штат Орегон. Вы были в Пендельтоне?
Весьма провинциальный тихий городок.
Слышны церковей воскресные трезвоны
И фабрики консервной будничны гудок.
Отель, гараж, банк, почта, гастрономы,
Полиция и в центре школы две больших,
Одноэтажных домиков хоромы
С подстриженной опрятно травкой возле них.
Семейство Лесь срочно поместили
В полуотель пока двухкомнатных квартир
И прихожане весело решили
Устроить в церкви местной внепрограммный пир.

Нашлась для Леся первая работа
"Посильно" дворнику при церкви помогать,
Часам рабочим не было подсчета,
Работы была тьма, не знал с чего начать.
От снега тротуаров очищение,
В церковных залах натирание полов,
Подвоз угля и топка помещенья,
Покраска стен, дверей, карнизов, потолков.
Уборка комнат, мелкие починки,
Столбов стальных пригонка новых на забор,
Мытье посуды после вечеринок
И жужелицы вынос с мусором во двор.
Дня через три уехал в отпуск дворник,
Лесь сбился с ног совсем, оставшись в церкви сам,
Полдня свободных он имел во вторник,
Но звали и тогда по экстренным делам.
Незнание языка, отсутствие покоя,
Лишь несколько часов отведенных для сна,
Темп жизни новой дело не простое,
С трудом воспринималась новая страна.
А дома беспрерывные визиты,
Подарки, сладкие улыбки милых дам,
По местному известно знаменитых,
Открыт был дом с утра непрошенным гостям.
Этапа жизни первого неясность,
Посмотрим мы теперь на прошлый путь, друзья,
Неблагодарным стать весьма опасно,
А восхищаться всем, увы, никак нельзя!
Натуру изучив американцев,
Их жажду к обновленьям всяким разгадав,
Понятно отношенье к иностранцу,
Лишенному вещей и родины и прав.
Ведь мы узлы с поношенной одеждой
Сдаем теперь для бедных тоже иногда,
А эта помощь в сущности—надежда
Для тех кого в тупик поставила беда.
Спасибо Вам друзья из Пендельтона!
За Вашу щедрость, помощь, хлопоты забот,
Нам вывели Вы новые законы,
Придав всей жизни нашей резкий поворот.
И вот когда посмотришь через годы
На это взглядом изменившимся у нас
Вы научили личную свободу
Ценить и опасаться жизни напоказ.

Смеялся сын, на кольцах поднимаясь
И на глазах у всех заметно подрастал,
Американской пищей наслаждаясь
Он крепнул, здоровел и радостно сиял.
Но не живем мы ль новым поколеньем?
И не дороже ли оно для нас всего?
Ведь весь наш труд и наши все лишенья
И жертвы все, в конечном счёте, для него!
В Америке припомним пилигримов,
Совсем нелегкая у них была судьба,
Их светом мы отчасти озаримы:
Жизнь наша—за успех грядущих дней—борьба!

*

И здесь нам было не легко сначала:
Силён в Австралии во всем порядок свой—
Комиссия мужчин всех посылала
Сперва отбыть сполна их срок работ лесной.
На вырубку и очищенье леса
Контракт подписан был на год или на два,
Как говорится в общих интересах—
Себе завоевать гражданские права.
А в лагерных палатках жёны жили,
Они варили на кострах в лесу обед,
Смотрели за детьми, стирали, шили,
Начальство проводило с ними ряд бесед
И заполняло всякие анкеты,
Семью подготавливая в жизнь пустить страны,
Пока мужчины ревностно за это
Трудиться в девственных лесах были должны.
Свиданье разрешалось раз в полгода,
Бригады разбросали по глухим лесам
И собственно почувствовать свободу
Но настоящему еще не дали нам.
Однако воспитательная ценность
Была и в сей системе, может быть, как знать?
Не нарушалась жизни равномерность,
Но нам то, кажется, к труду не привыкать!
Здесь вкусное и сытное питание,
Зарядка организму—жизненный закон
И новой лучшей жизни ожиданье
В работе мускулов, несущей кренкий сон.

Других работ свой профиль намечался,
С желаньем не считаясь кто куда пойдет,
Но Зоин муж почетно назначался
Инспектором дорожно городских высот:
Фотографировать мосты летая
На ветхом местном гидроплане городском,
Оплата назначалась не плохая,
А он с полётами прекрасно был знаком.
Ведь летчиком пришлось летать не мало,
Профессию свою он, кажется, любил,
А служба эта все же выдвигала
Его среди коллег и духом он ожил.
К тому же и семейства прибавленье
Бесспорно намечалось в очень скорый срок,
Все это повышало настроенье
И вызывало чувств растроганный поток.
С энергией обычной вскоре Зоя
Квартиру в городе приличную нашла
И с деловитостью сама живую
Она её в порядок полный привела.
"И правда на все руки мастерица!"
С заметной завистью отметили друзья,
"Она не только у тебя певица,
Но и хозяйка, Николай, жена твоя!"
А Зоя в это время загрустила
Без сцены жизнь артисту суший ад земной,
Язык английский изучать решила
И просто быть пока хозяйкой и женой.
Принявши материнство хладнокровно
По формуле своей: сего не избежать,
Настанет час — родиться безусловно
И вовсе незачем об этом рассуждать.
Так жизнь текла сравнительно спокойно
В материальном облике удач простых,
Обставили квартиру всю достойно
И даже было телевиденье у них.
Цветною наслаждаясь передачей
Забилось как то сердце Зоино сильней,
На мину наскочивши неудачно
Погибло несколько торговых кораблей,
Хоть отзвенели дней военных грозы,
Но все еще пугал глубокий след войны,
Как оказалось минные угрозы
Из мирных вод еще не все извлечены.

Волшебно яркий облик капитана
Сверкнул, мелькая знойной памятью, опять,
А может был он в сердце беспрестанно?
Запретных тайников души нам не понять!
Передавали сводку о погибших,
С другими назван в списке Зоин капитан
И сердце замерло снам не простивши
И потемнел безжалостный экран.
Как нестерпима боль потерь земная,
Но жизнь парадом будним шествует своим,
Былые дни забыть нам помогая,
Туманы прошлого развеивая в дым...

*

И Лесь и Надя ждали с нетерпением
Возможности побыть без спонсоров своих,
Их пригласили в это воскресенье
Поблизости в семью украинцев одних.
Изрядно надоело пребыванье
У всех бессменное, как в клетке, на виду,
Беспроспективное существованье,
Весь образ жизни новый быстрый, как в бреду.
Опять услышать слов поток понятный
И ощутить гостеприимный свет тепла,
Знакомых с детства запахов приятных,
В опрятной щедрости накрытого стола.
Отведать свежей собственной сметаны,
Слоёных пирогов и вкусного борща,
Мужчинам водки выпить по стакану
С поговоркой: "грехи горилка видпуща!"
Попробовать домашние колбасы
И гречневую кашу, клюквенный кисель,
По кружке выпить яблочного квасу
И в рот тягучую отправить карамель.
А завтра непременно в церковь рано
Большой и дружную отправиться семьей,
Шесть сыновей с заботливостью равной
Следят за маленькой единственной сестрой.
Собратьев ласка теплоты сердечной
Следы оставила в душе с тех давних дней,
Своей любовью к ближним бесконечной
И бескорыстно чистой радостью своей.
Шесть мальчиков между собой делили

Любые трудности домашние забот.
Сад яблочный родители растили,
Зимой ездили работать на завод.
Достаточно для всех было работы:
Сушили яблоки и выжимали сок,
Готовили консервы и компоты
И каждый член семьи трудился так как мог.
Хоть время отпуска прошло приятно—
Жизнь заставляла думать о себе опять,
Одно лишь как то сделалось понятно:
Всё нужно заново, пожалуй, начинать.
Один этап несбывшейся надежды—
По специальности работы не найти,
Но и теперь, как и бывало прежде,
Жизнь заставляла их бодрясь вперед идти.
Сезонную у фермера работу,
Любую взять, без колебаний, Лесь решил,
Назначена поездка на субботу,
Поедут в Айдаго—местечко Фээрфилд.
Давно везде природа оживает
И лето теплое весну сменить спешит,
А здесь снега лишь таять начинают
И на горах покров глухой зимы лежит.
Замёрзшие июньские просторы
Еще не вспаханных обветренных полей,
Дом каменный за сереньким забором
С огромным фонарем старинным у дверей.
Вдали от дома "трэллэр" на колёсах—
Довольно маленькая комнатка одна,
Кровать и столик подвисяной на троссах
И печь железная с трубою у окна.
Для нас и это знатные хоромы!
А после тряски в фермерском грузовике,
Сон крепкий на матрасе из соломы
И каша сыну на свежайшем молоке!
Открылась жизни новая страница
И новых испытаний школа началась—
Нашли и там друзей бегущих лица,
А в буднях бытия и чистоту и грязь.
Вновь оживла надежда утешенья:
Когданибудь войдет с признанием в лета
И наше творчество и вдохновенье
И может дерзкого бессмертия мечта...

"Ты познакомился, земляк, с Морозом?
Лука Петрович—он—сосед ближайший мой.
С ним всякие случаются курьезы,
Особенный совсем он человек такой!
Начну с его высоких рассуждений,
Он , правда, вроде мыслит крепко головой,
В конце войны пришел он к заключенью:
"Есть сходство между Вашингтоном и Москвой!
Американские увидел танки,
Впервые рассмотрел я белую звезду
И понял я, советские тачанки
Такую красную имеют на виду!
Пятиконечная! Всё дело в этом,
Совместно миром правят вместе силы две,
Не состоится войн больших на свете,
Известно это в Вашингтоне и в Москве.
Мы маленькие люди, мы не в праве
Об этом много бесполезно рассуждать,
Росли в стране, живем теперь в державе
И могут нас назад опять в страну послать.
Пока живи и смысла набирайся!"
Учился долго на чертежника Мороз
"Ты по своим способностям старайся,
Учись, земляк, всему пока не перерос! "
Увы, не обошлось без огорчений,
Чертежником Мороз , как будто бы, не стал,
Но вскоре он опять для развлечения
На курсы летние механиков понал.
Там "лайсенс" получил, купил машину,
Участка два земли и домик небольшой,
Пашел на свалке стол, кровать, перину
И начал опыты сосед здесь делать мой.
Чем только тут Мороз не занимался,
Каких пород из овощей не разводил,
Их скрещивать по новому старался:
Смесь даже тыквы с огурцом производил.
Заливчик прокопал из местной речки,
Поставил ульи пчел невиданных пород
На солнце грелся на своем крылечке,
Часами гордо созерцая огород.
Все было бы , конечно, идеально,
Ремонта, значит, домик ждал со стороны.
Постройка ванной комнаты реальной

Да и других удобств весьма были нужны...
В решениях Мороз не торопился,
Иль это ленью русской можно объяснить,
А может на ошибках он учился,
Умея опытом житейским дорожить.
Возьмем к примеру будничные факты,
Не прочь жениться был Мороз немолодым,
Пока невесты изучал характер,
Сходилась, на глазах, она, его, с другим.
Пока присмотрит вдовую невесту,
Пока решит вопрос ей правильный задать,
Он снова опоздал, вопрос ни к месту
И, значит, нечего опять ему терять.
Так эти откровенно рассуждая
Утраты, впрочем, не печалили его,
Как и проблема всякая иная,
Свой собственный подход был к жизни у него.
А в домике он сам покрасил стены,
Для виду даже ванну старую привез,
Взаправду дом украсила отменно,
А над ремонтами задумался Мороз.
Не по карману был водопроводчик,
Вдруг неприятностей начался целый ряд.
То электрический изъяли счетчик,
То приезжал инспектор много дней подряд.
К тому еще соседи обижались,
В Америке другой культуры свет горит:
Уборные при доме полагались,
Давно "закон свобод Морозовских" забыт.
Как не откладывай, как не печалься,
Как запах пряной мяты жадно не вдыхай,
Прислушаться приходится к начальству—
Живи, но все таки порядки соблюдай!
Тогда и приболел Мороз морально
И, загрустив порядочно, в больницу слег,
А там земляк один официально
Ему освободиться от всего помог.
Скупил он все имущество Мороза
И за бесценок, грех, ведь это свой народ,
Кому удача, а кому и слезы,
Строй счастье на несчастье, ставь наоборот!
Домовладельца потерявши званье,
Мороз опять таки вернулся к городским,

Но, наконец, нашел свое призванье,
Шофером стал он, брат, беседовал я с ним.
Свою имеет старую машину,
Сидит, как кучер, важно за ее рулем,
Следит за ней как за живой скотиной,
Теперь он на посту водительском своем.
Вид все таки слегка неблагородный,
Веревкою привязано одно крыло,
Багажник есть на крыше старомодный,
И заднюю дугу, как будто бы свело,
Согнута кажется она немного,
Колеса разные, но пустяки одни,
Ведь главное владеет он дорогой,
А это очень даже важно в наши дни.
И если кто нуждается поехать
Зачем то к доктору и просто по делам,
К Морозу обратиться не помеха,
На деле, словом, я проверил это сам.
Он очень добросовестно считает,
"Мне только газолин pomoжешь оплатить,"
Рискуешь с ним и всякое бывает,
Конечно, хочется, земляк, еще пожить,
Несёт и он случается потери,
К примеру, отвозил кого то на вокзал
И встречный ветер дул неимоверно,
Весь из багажника багаж и растерял...
Пришлось платить по счету пассажиру,
Не так легко, скажи, убытки покрывать,
Имеет он дешевую квартиру,
Прямой находит в этом выход, так сказать...
И газолин он экономит тоже
Нарочно выключит машину за квартал
И к месту дотолкать ее он может,
Случалось ярдов сто, за ним я наблюдал.
Осталась та же мудрость рассуждений
И радость в нем живого будничного дня,
Заглядывай, земляк, без приглашений
С Морозом поболтать, он будет у меня".

Однако не забыть бы нам, конечно,
Приехавших сюда артистов и певцов,
Да будет путь успехом их отмечен
И кемнибудь воспет, хоть здесь, в конце концов.
В типажах ярких нету недостатка,
Как жаль нет Зошенко, ему бы описать!
Он смог бы просто, весело и кратко
Дипистов образы бессмертные создать.
Ведь в лагерях таланты собирались,
Заложен был концертов пробный камень там.
Дожди весны прохладные кончались
И летних вечеров зной приближался к нам.
В сарае—студья, сцена небольшая,
Зал зрительный всегда почти полупустой,
Афиша жадно к публике взывая,
Знакомит ближе нас с певицею "звездой".
Егор Дамбровский—аккомпаниатор
Все принял на себя побочные труды:
Сам контролер и сам администратор,
Конферансье, а также муж "звезды":
Но познакомимся сейчас с певицей—
Варвара Воблова сама сюда идет,
Баульчик Тётя ихняя с лисицей
За нею с гордостью торжественно несет.
Свет пригасили без противоречий,
Фальшиво путаясь задрезжал рояль,
"Звезда" с лисой, накинутой на плечи,
Таинственно на сцене молча смотрит в даль.
Погладив мех из кролика иль кошки,
Кивнула гордо головую раза два,
Подумала, прищурилась немножко
И песни полились знакомые слова.
Приятный голос, бархатные ноты,
Немного больше бы культуры, но не нам
Чужих талантов осуждать высоты
И отклоняться от похвал по пустякам.
Хотя в афише и перехватили—
Солистку воспевая опер мировых,
Мы все таки артистку похвалили,
Пахнуло запахом на нас полей родных...
Пропевши арию одну бесцветно,
Запела русскую народную она
И отклик в сердце каждого ответный

Безоговорочно найти была должна.
Своя таится сила в русской песне,
В знакомом взлёте звуков сердцу дорогих,
В величии поэзии чудесной,
В напевах звучных слов, в мелодиях простых.
Чего порой не передашь словами,
Всю нашу радость и всю горечь бытия,
Душа народа в русской песне с нами,
Отвага и тоска в ней слышится своя.
Всё то, что нам осталось за границей,
Прощальная улыбка родины былой,
Взлетает песня перелётной птицей
И плачет и звенит потерянной слезой.
А завтра по привычке, как обычно,
Дамбровский вьручку на скачки отнесет,
Системы ищет выигршей отличных
И твердо верит он: вот, вот её найдет!
Но дни идут, уходят дни за днями
И Тётя кормит их, она у них живет,
Ждут выезда они, а вечерами
Опять "звезда" с лисой "в концертах" нам поёт!
Лесь даже знал певицу эту лично,
Бывал на танцах с ней студенческой порой,
Она была партнершею приличной,
Учились с ней в консерватории одной.
Она услугу Лесю оказала
И комнатушку Тётину ему сдала,
А угол свой—бесценное начало,
Короче говоря, на деле помогла!
Препятствия и всякие проблемы
Всегда встречаются на жизненном пути,
Не будем отклоняться мы от темы,
К судьбе Дамбровских лучше снова перейти.
Они в Америку попали тоже,
Владельцы студии вокальной небольшой,
Горды собой значительней, быть может,
Делец—Егор Дамбровский ныне биржевой.
С такой же страстью, как тогда на скачках,
На биржу с бурными надеждами спешит
И обесцененные акций пачки
Заносит временно в "непрощенный кредит."
Всё та же Тётя—ангел скромный, местный
Их так же кормит, убирая по домам,

"Звезда" вольготно распевает песни,
Передавая опыт свой ученикам.
Артисты и певцы, о них немного
Передавала пресса наша и печать,
В среде рассеянья людей живого,
Их стоит оценить, понять и описать!
А также должное воздать талантам,
Да не поставят нам читатели в укор,
Восславим всех артистов эмигрантов,
Всех почему то не воспетых до сих пор!

*

Жизнь человека—море приключений,
Мирских событий разных, малых и больших,
Исканий всяких, будних огорчений
И просто иногда случайностей земных.
Казалось бы, так просто и несложно,
Встать рано, на рассвете трактор завести
И поле обрабатывать бы можно,
До поздней ночи время проводить в пути.
Но трудности без опыта, пожалуй,
У Леся были тоже, что и говорить,
Перетерпеть ему пришлось немало,
Он всё же научился трактористом быть.
Индеец принимал ночную смену,
Оплата низкая тяжелого труда
На западе весьма обыкновенна,
А это фермеру на пользу иногда.
Он с помощью машин и двух рабочих
С шестисот акров знатный урожай снимал
И сдал зерно, притом, удачно очень,
На зиму в город Вала—Вала уезжал.
Считался превосходным методистом
И в церкви, на словах, готов был всем помочь,
На деле был оратором речистым
И, кажется, на всем нажить был не прочь.
Считалась здесь оплата часовая,
Был договор, но устный—полдоллара в час,
Однако ситуация иная
На деле получалась—шел расчет на глаз!
Как не работал Лесь, как не старался,
Без сна бывало сутки часто проводил,

Но фермер с этим вовсе не считался,
В неделю тридцать пять доллар ему платил.
Пытался Лесь, а иногда и Надя
На жестях и словах ошибку объяснить,
Он соглашался: "какнибудь поладим,
Меня не поняли и я вас, может быть!"
Но пересчёта никогда не делал,
Индейцу умудрялся меньше заплатить,
А сам с земли рассчитывал умело
В десятки с лишним тысяч прибыль получить.
Терпимость в жизни сложная задача,
Но приспособиться и трудности учесть
Возможно каждому, без драм и плача,
Расчитывать на то, что в самом деле есть.
А в жизни той была своя отрада,
Прекрасный свежий воздух западных полей,
Свой огород с хозяйскою рассадой
И рыболовства опыт мудрости своей.
Лесь резал удочки из веток гибких,
Для них на берегу крючки он находил,
Всё было — смех, удачи и ошибки,
Улов в питании подспорьем явным был.
Варили рыбу, жарили, сушили,
А покупали сахар, хлеб и молоко,
Три месяца на рыбе и прожили
И сын на ней подрос отменно и легко.
Зато себе купили в конце лета
Они автомобиль, подержанный, но свой!
Особенное все же чувство это —
В своей машине ехать, быть самим собой!
Пусть много может стоили починки,
И пусть ломалось все, и риск, конечно, был,
Но настоящей радости крупинки
Добавил к этим дням им свой автомобиль.
Им волею судеб он пригодился,
Уехал фермер вдруг, ни слова не сказал,
Осенний ветер непогожий злился
И треллер небольшой качался и дрожал.
Опасно было дальше оставаться,
Зима за осень спешила без дорог,
Пришлось наспех с полями распрощаться,
Тогда автомобиль им собственный помог.
Поехали в ближайшее селенье,
Священник местный им с улыбкой пояснил:
Они свободны, могут, без сомненья,
Как только захотят, покинуть Феерфилд.

Был съезд тогда приезжих методистов
И чуткий пастор оказался среди них,
Он пожалел растерянных диплистов
И пригласил в свой городок приехать их.
А был он жителем того же штата
Из городка малоизвестного Москва,
Приход его не числился богатым,
Но все же он имел какие то права.
Да разве здесь возможны колебанья?
Свобода выбора—лишь разговор пустой,
Все эти пункты временных скитаний,
Но познакомимся и с западной Москвой.
Как здесь сильны стандартные структуры:
Нам кажется любой уездный городок
Другого повторение с натуры,
Но и житейских благ положенный залог!
Травы подстриженной везде кокетство,
По сходным образцам у маленьких домов,
Площадки детские, здесь по соседству,
Несут задорный шум веселых голосов.
Домов одноэтажные богатства,
Удобство и комфорт бросаются в глаза,
Не даром на планете не считается
До сей поры никак с Америкой нельзя!
Нас радует обилье молодежи,
Большой есть местный штатный университет,
Всё как то на Европу не похоже,
Но и с Россией, впрочем, тоже сходства нет.
А впечатлений новых слишком много,
Натура человека, видно, такова,
Семья устала очень от дороги,
Дай отдохнуть, заокеанская Москва!

*

Бризбенювская пристань опустела,
Куда—то люди незаметно разбрелись,
Таможники с полицией умело
Прибывших беженцев планировали жизнь:
Часть в пункты пересылок направляли,
Одну задерживали в карантине часть,
А часть людей свободно отпускали—
Судьбы вершая этим временную власть.
Среди отпущенных людей на волю
Довольно милая семья была одна—

Он — инженер, любимец общий, Коля
И трое деток с ним, и Таинька жена.
Приехавших друзей своих с ним близких,
Все прибыли они на корабле одном,
Он растерял, попав в "счастливец" списки;
Закон и русским людям зависти знаком.
Зато язык английский пригодился
И десять фунтов стерлингов семью спасли,
Недаром он над этим потрудился,
Знать, прошлые труды его не подвели!
Сейчас в автобусе, с заметной лаской,
Вёз в город инженер детишек и жену,
Меняло небо сказочные краски,
Показывая им их новую страну.
Картины пригородных поселений,
Река Брисбен, одноэтажных ряд домов,
Веранды вышивок живых растений,
Довольство чистоты, порядка и цветов.
А дальше город сам — Брисбен — столица,
Квинсленда штата целого живет в нем треть,
Театры, магазины и больницы,
Домов многоэтажных собранная сеть.
Хороший город, чистый, европейский,
Во всем добротность, и богатство, и размах,
Положенных удобств мирских, житейских,
С английским привкусом порядка на местах.
Притихли дети... Кларочка заснула,
К конечной станции подъехали большой,
Здесь Таинька кокетливо вздохнула:
"Приехали, смотри, а блеск, а свет какой!"
Вечерний звон невиданной столицы
Вливается в сердца восторженной волной,
Горят огней веселые зарницы,
Загадочно блестит вид города чужой!
Но ни Бризбен, ни новая квартира,
Ни платья новые, ни новые друзья
В семью не принесли, к несчастью, мира
И Таиньку ничем развлечь было нельзя.
Давно Расколов получил работу
И обеспечить всем семейство поспешил,
Он разделил домашние заботы,
Но все таки покой в семью не приходил.
Вдруг Таинька стремительно решила,
Без всяких промедлений Кларочку крестить,
Гостей на воскресенье пригласила,

Супруга попросив парадный стол накрыть.
В субботу Коля, как в бреду, метался
И даже утром на работу не пошел,
Стол для приема им подготавливался,
Священника искал и, наконец, нашел.
Напитки, кушанья, приготовленья,
Весь день в заботах незаметно пролетел,
Мгновенья ожиданий и волненья
И праздничный звонок в передней зазвенел!
Все гости к сроку начали съезжаться:
Знакомый по работе Колиной пилот
С женой—певицей, с ней пришлось считаться,
Обычно, женский пол у Таиньки не в счёт.
Высокий австралиец, славный малый,
Начальник Колин—Боб (был первым приглашен),
"Поклонник" седовласый Коцевалов,
Иконописец Глеб и дьякон Симеон,
Два русских продавца из лавки местной,
Иконописца брат—оратор агроном,
Бризбена житель коренной известный
И батюшка отец Варфоломэй с крестом.
Компания, подобранная Таей,
Была действительно, как будто бы, пестра,
Но говорить священник начинает
И к празднеству давно вернуться нам пора.
Ведь приступают к таинству крещенья
И в сердце просится смиряясь тишина,
Несёт душе покой и облегченье
Молитвы православной русской глубина.
Жену пилота Зою крестной взяли
И пригласили агронома крестным быть,
Короткую молитву прочитали
И в воду девочку пытались погрузить.
Но Кларочка отчаянно визжала
Из рук священника стараясь ускользнуть,
А после омовенья замолчала,
На Зоиных руках в слезах, стремясь заснуть.
Хозяйка, позабывши всё на свете,
Высоким австралийцем явно увлеклась,
Он у нее давно был на примете,
К начальникам всегда в ней вспыхивала страсть!
Ей бесконечно надоели дети,
Хозяйство, дом и муж, заботы и семья,
Другая жизнь была еще на свете,
Напрасно молодость губить свою нельзя!

Но незаметно общее вниманье
К себе всецело Зоя вскоре привлекла,
Возможно, приложив к тому старанье,
И дня пригасшую торжественность спасла.
Пришлось и потрудиться ей немало—
Троих детишек уложила отдыхать,
Гостей веселой песней развлекала,
А позже разговором стала занимать.
К тому же стала Таиной подругой,
Закрывши плотно дверь за нею в кабинет,
Пообещавши ей ее супругу
Не выдать сердца побежденного секрет.
Она и агронома помирjala
С иконописцем в споре жарком о былом,
"Поклоннику" стаканы наполняла,
Они с пилотом славно выпили вдвоем!
Художник ей показывал эскизы,
Два местных продавца давали ей совет,
Как проводить мясные экспертизы
И как готовить лучше мясо для котлет.
Мыть грязную посуду помогала,
С решимостью большой Расколову она
А с Симеоном стулья расставляла,
Так праздничность в семье была сохранена.
Какие необычные крестины!
Священник проповедь недолгую сказал
И гости стали расходиться чинно,
Воскресный день прошел и праздник отзвучал.
Как прежде дни усталые плетутся,
Расколов Коля честно трудится опять,
А Тая продолжает также дуться
И с скрытой радостью свиданья с Бобом ждать.
Чужая жизнь, чужой души потёмки,
Молитва русского крещенья старины,
Семейной жизни скудные обломки,
А детские сердца судьбой обойдены.
Но нет святых сегодня между нами,
Напрасно чью то жизнь мы пробуем понять,
Судить других мы очень любим сами,
Во всем себя всегда стараясь оправдать!
Но это не удастся, все мы—люди,
Суда и к нам придет неумолимый час
И мы за всё расплачиваться будем,
Всё это впереди у каждого из нас!

По Гоголю язык наш русский тайна—
Все переливы звуков смелых и тонов,
Он стойко молод, жизненен бескрайно,
В нем бури старых и циклоны новых слов!
Свет простоты обыденных наречий,
Восход крутой до неположенных вершин,
В нем резкий спуск к земной понятной речи,
Язык наш суть поэт, мыслитель, исполин!
А мы его носители по свету,
Несем его с собой дорогами судьбы
И переменчивую сказкой лета,
Черпаем силы в нем для жизненной борьбы.
Все мы—Ди. Пи., рожденные в России,
С несбóгнотостью душ, величем языка,
Бросаем миру вызовы живые
Правдивой истины, непризнанной пока.
Стараемся мы доказать на деле
Значимость наших жертв, духовность наших сил
Любой ценой и, если бы сумели,
Спасти свободный мир от "вырытых могил."
Под силу ль это нам иль не под силу?
Но будет камень капля медленно долбить,
А горечь наших бедствий осветила
Событий и судеб' неведомую нить.
Вернемся же к насущному вопросу,
Родной наш здесь язык, поддерживая нас,
Изрядно "ставил палки нам в колёса."
И вреден был порой нам попросту подчас.
"На жестах" и на "мигах" объясненья
Бывали часто очень трудного трудней,
Учить английский и без промедленья
Для новой нашей жизни было бы умней!
Но мы на первый заработок все же
Газетку русскую Нью Йоркскую, друзья,
Спешили выписать скорей, быть может,
Без слова русского дышать и жить нельзя!
Особенно, когда на новом месте
Жизнь начинаешь снова и не в первый раз,
В стране чудесно—сложно—неизвестной,
Без знанья языка английского сейчас.
Лесь отказался сразу от кредитов,
Работу стойко, терпеливо ожидал,
А пастор вежливо и деловито
Дать денежный заём процентный предлагал.

Предпраздничная снова подходила
Пора торжественная в жизни Рождества,
Как необычно и приятно было
Приветствий слышать всюду теплые слова
И звон колядок мелодичных пенья,
Витрин нарядных видеть яркие огни,
На домиках гирлянды украшений,
Встречать шумливые и радостные дни.
Почувствовать дыхание свободы,
Иного духа и традиций старины,
Счастливые беспечные народы,
Большой, передовой, технической страны,
Не знаете беды вы настоящей,
Избалованы вы счастливою судьбой—
Богатством технологии кричащей
И близорукостью наивности простой.
В другую церковь Леся пригласили
На этот праздник побывать с семьей у них
И множество подарков надарили:
Продуктов и одежды ящиков больших.
Пропели им веселую колядку,
Отведать дали кофе с тортом под конец,
Призвавши предварительно к порядку
Гуманный комитет сочувственных сердец.
Сезонную работу предложили—
Снег расчищать зимой и церковь убирать,
Истопником быть в храме поручили
И красить кое что и стулья починять.
Оплата выходила небольшая,
Семья существовать на это не могла
И только цепь случайностей не злая
Распутать узел материальный помогла.
Соседка им на жестах пояснила
О сдаче домика в три комнаты в наём,
А это им дешевле выходило
И вскоре перешла семья в отдельный дом.
Английскую приобрели газету,
С трудом пришлось в ней разбираться им самим,
Весьма полезным оказалось это:
Лесья принят бы в отель уборщиком вторым.
Последовали будни трудовые,
Работы обе нужно было совместить,
А в Айдагао зимы снеговые
И Лесю этих зим надолго не забыть!

Он чистил снег "отельный" и "церковный",
Лопатой, без машин, на скорость, без помех,
И после дня трудов в отеле чёрных
Работать в церковь шел, перекусив наспех.
Соседка Наде, к счастью, предложила
Свои услуги за ребёнком присмотреть,
И Надя в церковь по утрам спешила
Помочь в работе мужу чемнибудь успеть.
Она в кроватке сына оставляла,
Свой относила ключ соседке от дверей,
Топила в церкви, мыла, убирала,
Работала в домах у "приходских друзей".
Неделя за неделей пробегали,
В воскресный день сынишку прихватив с собой
Они вдвоем обычный исполняли
Обязанностей ряд "почётный и живой":
Звонила Надя в колокол церковный,
Лесь шлак, золу и мусор утром выносил,
Сидели на млениях покорно,
Днём стены красили и стулья Лесь чинил.
Теплели лаской будни обжитые,
Хотя и приходилось часто уставать,
Заметили пропажи небольшие—
Вдруг в ихнем доме стали вещи пропадать.
Сюрпризы в нашей жизни, к сожаленью,
Подвластны злободневным крайностям любым,
Домой вернувшись как то в воскресенье
Нашли они свой дом почти полупустым.
Надулась сразу же соседка гневно,
А пастор заключил—непойманный не вор!
И Наде приходилось ежедневно
С собою сына на работу брать с тех пор.
Но кража эта их не огорчила,
К потерям всяким нам давно не привыкать,
Лишь чувство недоверия спешило
Вернуться к ним в сердца забытое опять.
Однако приближались перемены,
В газете русской кто то бойко собирал
Артистов на украинскую сцену
И Лесь письмо в Нью Йорк немедленно послал.
Пришел ответ с сердечным приглашеньем
Оркестр большой создать и к делу приступить,
А также поступили заверенья
Гарантий полных с просьбой поспешить.

И распроставшись радостно с Москвою,
Лесь с лучезарною надеждой на успех
В НьюЙорк дерзая отправился с семьею,
Стремиться к лучшему, кому из нас не грех?
Мы на ошибках выросли, возможно,
Но мы не сделались от этого мудрей,
Всегда, быть может, потому тревожно
Ждет фатализм души рассвета лучших дней.
Как помогает нам родное слово,
Какая сила в нем, какой потенциал!
Исканье вновь! Мираж надежды снова!
Но не учтен, увы, реальности финал...

*

"Здоров, Мороз! Сосед мой очень много
Историй всяких о тебе "слагал", скажу!"
"Приветствуйте, все ходим мы под Богом,
Сейчас, минуточку, вот нитки довяжу!"
"А мастеришь чего?" "Спросить то можно,
Но очень сложный может выдаться ответ:
Вещички всякие, притом, возможно,
Занятия искусства, творчества секрет!"
"Да, ты мудрённый или, знать, учёный,
С тобою, вправду, "втолковать" легко видать,
Ну, если знаешь всякие законы,
Брат, помоги назад кота "мово" споймать!
Жена ужасно так за им скучает,
Кота завез за речку, на него был злой,
Он мне следы на*"каре" оставляет,
Теперь жена кричит и я стал сам не свой!"
"Вы слишком даже "нервные" стали,
Совет могу вам дать—стерпите пару дней,
На третий день придет конец печали,
Кота увидите на "каре" на своей,
Они теперь талантливые кошки,
Приходят очень быстро с разных мест назад.
Смотрите пристально с утра в окошко,
Но не на улицу, а, значит, прямо в сад.
Придет из уважения к супруге,
У кошек это точно, чувствуют кто друг,
Между собою кошки здесь в округе,
Ночами собираясь, заседают в круг.

Часами думают, сидят по кругу,
Друг другу молча смотрят пристально в глаза,
Рад оказать я ближнему услугу,
Совет подать какой, без этого нельзя!
Особенно, коль кто еще в обиде,
Вы отношении к коту сменить должны,
Покайтесь супруге Антониде
И кот придет назад, видать со стороны.
Я отвлекусь от этого вопроса,
Меня вы на другие мысли навели,
Скажите почему растут запросы
И люди наши тут покоя не нашли?
Вот в детстве помню я свое селенье,
У каждого, поди, ломились закрома,
Себе работали без сожаленья,
С запасами харчей встречалась зима.
А я бы по христьянски рассуждая,
Запасу сделал бы себе годов на пять
И пять годов на землю не взирая,
Свободно-вольно мог фактично отдыхать!
И, кстати, бы земля не истощалась,
Соседи делались значительно родней,
Большой обиды бы не получалось
И жизнь была бы, может, легче для людей.
А вот возьми все людям, значит, мало
И даже "церква" тоже, к слову говоря,
Какого то достигла капитала
И отдохнуть бы ей самой до сентября!
Себе священник домика два справил,
Все трудится, хоть старенький, поёт,
А скольких он в последний путь наставил!
В отставку отдыхать опять же не идет.
Я никого ни в чем не обвиняю,
Однако эта мысль встревожила меня,
Я, так сказать, немного понимаю
В учении Христовом нынешнего дня.
Но ко всему есть разные подходы
И взгляды разные на все есть у людей,
Положено такое от природы,
От Бога разум дан: кто мудр, а кто мудрей! "
"А что, Мороз, "шо ферствуешь" теперя
И Баламутихе привозишь кирпичи?"
"Привез вчера я старые ей двери,
Приладил к ним замок и подобрал ключи,

Любое исполняю порученьё,
Бывает тяжести и ей перевожу,
Сама их грузит, это ж развлеченье
И польза организму ихнему скажу!
Сама их дома тоже разгружает,
А я люблю за этим очень наблюдать,
Интеллигентный труд предпочитаю,
Но труд приветствую я всякий, так сказать.
Курипочкину дочь вожу с работы,
Софроновне ковёр на кухне я "поклал",
К Свящинской ныне привозил кого то,
А Муравейкиных вчера я в город брал.
Да, христианство признаю в свободе,
Ни в тягость никому, кристально чист душой,
Мозг занят, руки отдыхают вроде,
Хотя на это взгляд имеет каждый свой.
Люблю свободу я, живу как птица,
А жизнью я довольствуюсь вполне,
Людей здесь повидал я за границей,
Не связан я ничем, сподручней это мне!
Сейчас я от трудов передыхаю,
Но вот на телефоне был ко мне запрос,
Священника к больному вызывают,
Мы толковали с ним за этот перевоз.
Мне оплатить бы газолин немного,
А человеку польза будет оттого.
Вернётся кот! Ну, извиняйте с Богом!
А мой совет пока не стоит ничего.
Вернётся! Руку легкую имею,
А вам попить бы нужно мяты с крапивой,
Но ежели совет или идею,
Меня вы запросите на обед домой!"
Друзья прощаются, смолкают фразы,
Американской не оценены землей—
Народной русской мудрости алмазы,
Источник радости, заботы мир живой!

*

Большая Австралийская больница,
Кроватей ряд опрятных в комнате стоит,
На них страдают женщин бледных лица
И в воздухе гроза судеб земных висит;

Обход больных четыре раза в сутки,
Врач вносит запись сам в больничный бюллетень,
Ни слова лишнего, улыбки, шутки
И будний тянется бездушно—серый день.
"Транзитный пункт" для бедных и богатых,
Лишь после операций день или другой,
А там развозят по другим палатам,
Выписывая многих попросту домой,
Со званьем пациентов приходящих,
Система введена, как в Англии, одна:
В больнице нет больных долголежащих,
Отправка "в два конца"наспех соблюдена.
Очнулась Зоя... Облаком туманным
Проплыл вчерашний день и вечер перед ней:
Дождалась... Схватки... День давножеланный,
В больницу нужно было собираться ей!
К врачу она сама и позвонила,
Не стоит паники особой поднимать
И даже мужа зря не разбудила,
Вчера он крепко выпил, "празднуя"опять.
Да и будить то было бесполезно,
Он всё равно ничем теперь помочь не мог,
Но, наконец, ея сосед любезно
Добраться ночью до больницы ей помог.
Припадки боли стали нестерпимы,
Слегка нахмурилось над ней лицо врача,
Мелькали сёстры, пробегая мимо
И кто то за неё неистово кричал.
А, может быть, нежданною зарницей,
Душа покинула, казалось, свой покров,
Но и назад успела возвратиться,
Омолодив его своим дыханьем вновь.
И жар, и бред расслабленного тела,
И сон, и стон, и явь—они слились в одно,
Ведь таинство рождения умело
Осмыслить до конца сознанью не дано!
Ребёнка сёстры унесли проворно,
Безмолвным правилам больницы подчинясь,
Малютка дочь! —И вестью этой гордой
Над нею тишина блаженно разлилась.
Давали ли уколы ей, лекарства,
Что с нею делали в той комнате потом,
Больных соседей стонущее царство

И все страданья их, всё было нипочём.
А через день домой привез с ребёнком
Её заботливый и вежливый сосед.
"Знакомтесь, Коля, вот моя девчонка!
А завтра приходите с Таей на обед.
Жаль Николай мой выпил и, некстати,
Перехватил на радостях, не ждал гостей,
Пожалуй, не поднять его с кровати,
Но всё равно мы дома с дочкою моей!"
И всё, как будто, засияло снова,
Квартира ожила шумливая опять,
То детский плач, то ласковое слово,
Домашнего уюта скромная печать...
Хоть также Николай искал причину
Попраздновать всегда, как было в старину,
И денег пропивая половину,
Опустошал слегка семейную казну,
Но Зоя стала помогать соседям,
Сама сводить концы хозяйственных забот,
Проблему недостатков обезвредив,
Вела сама семью, а время шло вперед.
Дни побежали, месяцы и годы...
Вот девочке вчера исполнилось пять лет,
А всё росли семейные расходы,
Всё таял и редел издёрганный бюджет...
Зато теперь курчавая головка
Летала по квартире весело смеясь,
К отцу взбиралась на колени ловко
И к матери назад стремительно неслась.
Родителей заметно примирила
И Зоя с мужем в ней не чаяли души,
В семье ребёнок—радости светило,
Ему любви мы нашей вносим платежи.
Из за него мы терпим и страдаем,
Даём ему платформу жизненных основ,
И ничего взамен не ожидая,
Спешим вручить ему сердец своих любовь.
Но жизнь идет, взрослеют наши дети,
Перерастая детства добровольный плен
И нашей жизни, как и всей планете,
Грозит пора времён потоком перемен...

Отель НьюЙорский на углу Бродвея,
 Пути пять суток на автобусе к нему,
 Сюда наш Лесь с семьёю со своею,
 Явился прямо к режиссёру самому.
 Там после двухчасовых объяснений,
 Весьма восторженных приветственных речей,
 Приятных разговоров, размышлений,
 Понятней стала суть действительных вещей.
 Каких то денег ждали от кого то
 И кто-то обещал, как будто, деньги дать,
 Придется ждать оплаты за работу,
 Большой оркестр пока Лесь должен сам набрать.
 Но оптимистом режиссёр был ярим,
 Снял комнату в отеле Лесю он одну,
 Обильно угощал семью и с жаром
 Отстаивал идей успешных глубину.
 Как оказалось, несколько позднее,
 Пока работал на заводе где то сам,
 Но сокровенную мечту лелеял
 Театр создать большой украинских программ.
 Он в Югославии был режиссёром
 И думал здесь карьеру эту сохранить,
 Со всеми вёл пока переговоры
 И пробовал мечту свою осуществить.
 Оббив без толка многие пороги,
 Лесь по профессии работы не нашел,
 А деньги уменьшались понемногу,
 Безденежье одно из самых страшных зол.
 Нашлось в НьюДжерзи скромное занятие
 На фабрике по восемьдесят центов в час,
 Резиновое это предприятие
 Весьма использовать сумело крепко нас.
 Дипийская работа в нём ценилась,
 А мы старались нормы честно выполнять
 И фабрика на нас обогатилась
 Законно, быстро и успешно, так сказать.
 Лесь подыскал квартиру вскоре близко
 И сразу перевёз семью туда свою,
 Немного подучил язык английский
 И жизнь вошла опять, казалось, в колею.
 А на автобусе в НьюЙорк поездки
 Лесь ежедневно вечерами совершал

И после споров с режиссёром веских,
Он сам собрал оркестр и зал при "ИМКЕ" снял.
А сколько бескончных репетиций,
Пока певцов с оркестром, наконец, свели,
И как пришлось артистам всем трудиться
И сколько испытаний все они прошли.
Но после жертв, хлопот, затрат, волнений,
Действительно театр почти на ноги стал,
Лесь партитуры с возраставшим рвением
Для хора и оркестра по ночам писал.
А вот и долгожданная премьера,
Своими средствами бесплатного труда,
Духовных сил почётного примера
И жертвой благ земных, ушедшею в года.
"Сегодня—Запорожец за Дунаем!
Украинская опера, земляк, слышал?"
Усаживайтесь, тише, начинаем!
Горит огнем надежд большой блестящий зал...
"Сюда, земляк!" Уселся рядом с Надей,
Глазами зрителя смотреть со стороны,
Всё переполнено, нет мест, а сзади
Стоят сплошной стеной и двери не видны.
Свет пригасили... Выход дирижёра,
Аплодисменты громких, жарких, сильных рук,
Вот увертюра, слышны звуки хора
И взвился занавес под громкий сердца стук.
Мелькают сцены, убегают лица,
Выводят голоса заученный пассаж,
Волнуют вспышки световой зарницы
По ходу действия сменившийся пейзаж.
Оркестр звенит, поют и плачут скрипки
И восхищённый зритель хлопая встаёт,
В антракте он с восторженной улыбкой
Артистов поздравлять, наверное, пойдёт.
Какой успех! Какое начинанье!
Да, это правда праздник подлинный для нас!
Потоки восхищенья и признанья,
Но торопитесь в зал! Скорее! Свет, пригас...
И звуки музыки взлетают снова,
И мощно стройный хор за сценою звучит.
Последний акт, от слова и до слова
Сосед—земляк за всем внимательно следит:

"Глянь, диригента чествуют причинно,
Он—батько твой, вставай, гляди через плечо!"
И по головке Надиного сына
Расстроганный сосед погладил горячо.
"Вот его театр! Картина наша!
Всё было ясно мне с начала до конца,
Идите и приветствуйте папашу!
А ты, пацан, расти и почитай отца!
Мадам, моё вам досвиданья тоже,
И сам из Патерсона и зовусь Мороз,
Меня там знают многие, возможно,
Найдёте, если вам ко мне какой вопрос."
Неповторимый, незабвенный вечер,
Как много впечатлений, радости живой,
А на приёме поздравлений речи
И не хотелось рано уезжать домой,
Кончатъ мечты взволнованную сказку
Обычным будничным расчётом бытия,
Сын крепко спал, ночь грёз роняла ласку,
А новый день светлел, дыханье затая...

*

С начала книги принято решение:
Правдиво жизни нашей ломку описать,
Но как мышленью выбрать оформленье?
Какое выраженье истине придать?
Как вылить на бумагу все секреты,
Как пережитое давно прожить опять?
Оставшись беспристрастным и при этом
Симпатий ни к кому ничем не проявлять?
Мы ближних осуждаем, к сожаленью,
Свои ошибки забываются порой,
А есть у каждого свое сужденье,
Не сетуйте на нас, читатель дорогой!
Сегодня Таиньке опять не спится
И мысли разные волнуют наяву,
Пришло письмо второе от сестрицы,
Всё хвалится, зовет назад её в Москву.
К тому же фотография большая,
Прикрыта голова сестры её фатой,
Вся в белом и обидно стало Тае,

Нет справедливости на свете никакой.
В колонном зале свадьба состоялась,
Муж—доктор знаменитый, хоть и молодой,
"Недаром, значит, мне вчера не спалось!
Нельзя унизиться и мне перед сестрой!
У Коля есть какие то дипломы,
Я напишу сестре и копию пошлю,
Торжественную праздничность приёмов
Я до безумия любила и люблю!
Нас в лагере формально записали,
Теперь хочу устроить торжество и я,
Пусть нас бы в церкви нашей обвенчали,
Сошьёт два белых платья Зоя для меня!
Гораздо лучше будут мои платья
Дешёвенького платьица моей сестры,
А Коля больше денег пусть потратит!
Пусть зал для нас наймёт: шампанское, ковры. . .
Закуска, канделябры, гости, ужин!
Я буду с Бобом в платье белом танцевать
И ехать мне тогда в Москву не нужно,
Зато я здесь хочу фассонно погулять!"
Задумано и сделано, конечно,
Был этот план проведен в жизнь "на высоте",
В старинной тихой церкви многосвечной
Священник говорил напутствия чете,
Водил вокруг, законно, аналоя
И ладоном кадил, молился и крестил,
Муж, улыбаясь, делая снимки Зоин,
Сынок Витюша позади один грустил,
Другие дети жались возле Зои,
Растроган только Коля был до самых слёз,
Событие семейное какое!
И Таинька цвела в сияньи ярких роз!
А после свадьбы инженера Колю
В какой то дальний городок перевели,
И это очень огорчило Зою,
Они основу дружбы с Колей обрели.
Мелькали годы скорой переменой,
Сменяли распорядок будничного дня,
Романы, споры, ссоры и измены,
И дети подрастали детство хороня.
Беспечно убежала к Бобу Тая,
Оставив Коле на руках троих детей,

Не ладилось у Зои с Николаем
И становилась жизнь труднее и сложнее:
Из за подростковой дочери скандалы—
Мать запрещала всё, отец всё разрешал,
Здоровье Зои на глазах сдавало,
А "с горя" Николай всё больше выпивал.
И драма явно близилась к развязке,
Зашла совсем в тупик нормальных мыслей гладь,
Семейных уз легко слетала маска,
Хотелось бросить всё, забыть и убежать.
Тут завязалась переписка с Колей
И, очутившись между Николаев двух,
Терпела Зоя мужа поневоле.
И всё желанней становился Коля—друг.
Пути Господни неисповедимы,
Они, возможно, Зою с Колею свели,
У каждого был шрам неизгладимый
И может потому они себя нашли...
Уйти решила Зоя с дочкой к Коле,
Но дочка перешла на сторону отца,
И так одно, затем опять другое
И вскоре жизнь семьи распалась до конца.
Желанье жить, любить, ценить и верить,
Моральные устои, дети и семья?
Что было правильней и как проверить?
Но нет, судить о том, не нам, мои друзья!
Так и открылась новая страница
Для Зои и для Коли обновлённых лет,
Судьбы зажглась заветная зарница
И найден был любви благославленный свет.
Хвала сожителю без принужденья!
А чувство долга и моральной чистоты?
Сметём в одно земные побужденья,
Придав им ясней правды лучшие черты.
Мы видели тревоги жизни ломкой,
Но беспристрастность всё же проявить должны,
На суд суровый наших же потомков,
Предстанут прошлые события и дни...

Снимая лавры шумного успеха,
Готовясь к новой постановке второпях,
Театр ожил, хотя была помеха
И тень смущения в директорских глазах.
Администратор стал неуловимым,
Откладываясь дважды денежный отчёт,
При недостатке средств необходимых—
Житейской логике наличия забот.
Артисты тоже ждали пополнения
Не так общественной, как собственной казны,
Слова надежд, похвал и уверений
Им больше в настоящем не были нужны.
Вопрос материальный обострился
И, созданный ценою жертвований, театр
Перед дилеммой денежной склонился,
Потребовав раскрыть игру нечестных карт.
Нерадостная новость поразила:
Администратор с крупной выручкой сбежал,
Банкротство верное теперь грозило,
Директор съёжился, поник и замолчал.
Распалось всё, у каждого артиста
Был долг перед собой—была своя семья,
С судьбой искусства пламенно—речистой
Расстаться вызвала реальность бытия.
И, закачавши рукава повыше,
Фабричной жизни кредо здраво оценив,
Лесь распрощался вновь с мечтой притихшей
И окунулся в прозу трудового дня.
Хоть легче жизнь, возможно, и не стала,
Но Надя всё таки работать предпочла,
Вторая смена в этом помогала.
И выход в расписании будничном нашла:
Сын оставался сам лежать в кроватке,
И засыпал до возвращения отца,
Так привыкали к новому порядку,
Хотя и не привыкли, впрочем, до конца.
Стремительно вперёд бежало время
И каждый, новый час проблемы нёс свои,
Семья сносила будней серых бремя
И бережно ценила выходные дни.
Автомобиль они себе купили,
Новейший, но в рассрочку, марки "Шевролет",
Задолженность помесячно гасили

В поездках частых изучая новый свет.
В порядке бытового отклоненья,
Менялся жизни склад—сынишка подростал,
Нельзя было его без наблюденья
Оставить одного—он больше днём не спал.
И Надя Игоря брала с собою,
До первой будки полицейской заводской,
Он под охраной был сторожевою,
Лесь приходил за ним и отвозил домой.
Им полицейские пошли на встречу
И мальчуган в сторожке этой не робел,
Язык сердец любви всечеловечен,
Везде сочувствия находится пробел.
Вдруг распорядок этот оборвался,
Несчастный случай вскоре всё переменял,
Кусок тяжелой балки обломался
И пальцы на ноге у Лесья перебил.
В миг земляки из всех цехов сбежались:
Свяшинский и Мороз, Телёнкин—Баламут,
Сочувствовали, доктора дождались,
Узнали—в дальнюю больницу повезут.
Сказали Наде, наконец, об этом—
"Сам босс в карете скорой помощи повёз,
Гарантия поправки! Спору нету",
Логично рассуждая объяснял Мороз.
"А я зубами приболел немного,
Глядеть смогу за сыном Вашим пару дней,
А там оформится всё понемногу
И сам хозяин возвратится к вам поздней. "
Дни трудностей, дни горя и печали,
Проходят бури, смотришь, снова жизни гладь,
И эти испытанья миновали,
И солнце радости земной взошло опять.
Вернулся Лесь на костылях хромая,
Полгода целые работать он не мог,
Семейной жизни формула иная—
Нежданной перемены жизненный пролог...
На деньги небольшие от увечья
Лесь присмотрел за речкой акра три земли
И дом решил построить сам, конечно,
Конкретно намечая действия свои.
Он понимал труд плотника не легкий,
А каменщика труд и вдвое тяжелей,

К тому же навык нужен и сноровка
И капитал для выполнения идей.
Казалось всё сначала невозможным:
Копать, размеривать, фундамент заливать,
Проект своей чертить постройки сложный.
Без знания языка бумаги оформлять.
Но Лесь с нечеловеческим упорством
Затею начал в жизнь по пунктам проводить,
Без тени хвастовства и без притворства,
Сам трудности свои старался разрешить.
Дом строить это адская работа,
Без инструментов, средств, урывками, наспех,
Посмотрит или спросит у кого то,
То так попробует, то этак, смех и грех!
Наметилась кампания по сбору,
Решили всё что можно будут собирать,
Лесь выкопал подвал, земли снял гору,
И формы положил фундамент заливать.
А для заливки брал из речки воду,
Нашли на берегу прекраснейший песок,
И вечерами здесь после завода,
Работы закипал бушующий поток.
В Америке не следует лениться,
Лежат богатства прямо на пути твоём,
Поднять их только нужно наклониться
И потрудиться привезти к себе потом.
Фанеру, доски, гвозди, камни, рамы,
Асфальт, железо, балки, кирпичи, столбы
Лесь выбирал из найденного хлама—
Дар посланный ему рукой самой судьбы.
Смеялись многие над Лесем люди:
В строительстве, брат, нужно крепко понимать!
И месяца их дом стоять не будет,
Под звуки музыки погибнет, так сказать! : :
Один знаток церковных песнопений,
Хайло—казачий плотник, Лесь уважал,
Стал приезжать к нему по воскресеньям
И строить безвозмездно Лёсю помогал
Ему повторим благодарность снова,
К нам с той поры вошла она в сердца на век,
Жаль не успели сделать мы другого,
От рака умер он, —несчастный человек.
Работа по постройке затянулась,

В строительстве нет просто маленьких работ,
Весна ушла и снова к нам вернулась,
А Игорю пошёл беспечный пятый год.
Всё подчинялось домопостроенью,
Неповторимых жертв, стараний и труда
Эпоха целая и без сомненья,
Нас может не поймут другие никогда.
Лишь те, кто сами пережили это,
Учились пробуя, без страха, рисковать,
И не боялись растерять по свету
Способность редкую дерзать и побеждать.
И помогло семейное согласие,
Задачи бытия с ним кажутся просты,
А в испытаниях жизни—наше счастье, —
В стремленье обрести часть созданной мечты...

*

Возил детей автобус в школу местный,
Сменяла торопясь весна весну опять,
В одежде Игорь старенькой и тесной
Наук начальных мир учился познавать.
На редкость плотный, рослый, краснощёкий,
Не признанный своим в кругу других детей,
Старательно готовил все уроки
И этим поражал своих учителей.
Сказать сначала он не мог ни слова,
Английского совсем не зная языка,
Но быстро одолев его основы,
Он незаметно превращался в знатока.
Родителей немного он стыдился,
А также бедности семейной и нужды,
Но помогать отцу, увы, ленился,
Домашних споров вызывая нелады.
Хоть жизнь его заметно отличалась
От беззаботной жизни сверстников его,
Которым всё свободно разрешалось,
Он в доме, как они, не делал ничего.
Жалела может слишком Надя сына,
Стараясь жизнь его украсить чем нибудь
И часто Леся гнев небеспричинный

Семью на нежеланных трений ставил путь.
Проступки сына Надя покрывала,
Всегда его во всем стараясь оправдать,
Она тогда сама не понимала
Какие это может трудности создать.
А время шло в работе и в постройке,
Даря усталой жизни жалкие гроши
И в жертвах и в иных лишенных стойких,
Столь непонятных для младенческой души.
В среде излишества порочных нравов,
Где нет устоев дисциплины для семьи,
Царит свобод разнузданное право,
Внедряя неотступно принципы свои.
Ко взрослым отнимая уваженье,
Влиянье внешних сил настолько велико
И душу детскую в том положеньи
На путь сознания поставить не легко.
А тут еще, раздвоив сердце Нади,
Родился сын другой с кричащей новизной
И перемены в жизненном укладе
Победно внёс неповторимые с собой.
Лесь магазин, как раз, купил тогда же
И эра новая торговли началась
Включились быстро всей семьей в продажу,
Новейшим распорядкам бодро подчинись.
Но времени для Игоря ни стало,
Росло влияние товарищей плохих,
Брат требовал внимания не мало,
Клиентов вырастал калейдоскоп живых.
С шести утра до самой поздней ночи
Открыт был магазин, трудилась вся семья,
Для Лесья с Надей легче стало впрочем,
Фабричного труда закончилась статья.
А Игорь этим очень тяготился
И в магазин он после школы не спешил,
Присматривать за братом не стремился,
Родителей своих не слушал и ловчил.
Устоев строгих утверждая право,
Возможно осудив себя еще вдвойне,
Теперь взглянув назад на это здраво,
Со взглядом Лесья соглашаешься вполне.
Отсутствие надзора ненормально,
Фундамент дисциплины создает успех,

Свобода для детей весьма печальна,
А жизнь порядка вносит строгие для всех.
В семье полезно курс держать единый,
Родителей согласие скажется во всём,
Не то возможно потерять и сына,
Ошибки исправлять куда трудней потом.
Былых тревог знакомые картины,
Ушедших перемен житейских нелады,
Затянуты тревожной паутиной,
Мелькнувшей жизни будней быстрые следы.
А творчество главнейшим оставалось,
В безвременную пору трудностей любых,
Урывками минут одних писалось,
У Леся и у Нади мир был грёз своих.
"Метели" намечалось продолженье,
А Лесь свои писал прелюды по ночам,
Стихия творчества и вдохновенья
Жила вне всяких расписаний и программ.
По странным фантастическим законам,
Приписанным себе в бреду или во сне,
Всем людям творчества присущим безусловно,
С пристрастьем стран чужих смирившихся вполне.
Вы их шаги не измеряйте строго
Шаблонно бытовую меркой, как других,
Ведь сила творчества дана им Богом
В бессмертии их творений может быть земных.
Кому решать подобные вопросы?
Культура русская рассеянных страстей,
Бегут года, срываясь за откосы,
Все свой готовим вклад мы в даль родных стеней.

*

После волнений, сборов, расставаний,
Один в Америку механик полетел,
В ушах звенели кума обещанья,
Им верить Хризантемов всей душой хотел:
"Найдем работу, поживешь немного,
У нас найдется место для тебя с семьей,
Поможем оплатить тебе дорогу,
Устрою я тебя, ты мне, как брат родной"

Но встретили его Верба с женою,
Кум занят был, не смог, (он делает дела),
Сестра сказала: "я займусь тобою,
Тебе работу подходящую нашла,
С моим пойдешь в почную смену Мишкой,
Гвоздями ящики большие забивать,
Там заработаешь за год с излишком,
И сможешь к нам сюда семейство вызывать.
Пока живи, конечно, хочешь с нами,
Приедут я квартиру тут же вам найду,
Какие счёты между земляками?
Лишь пару дашь доллар зелёных на еду." "
Механик к молотку бы не приучен,
Профессии страдала также сторона,
Ночным трудом к тому же был измучен,
А с детками рвалась в Америку жена.
Проблема неувязки назревала,
Механик даже с детства нервами страдал,
И жизнь его на новый путь толкала
И потому сейчас он очень нервным стал.
Мадам Вёрба квартиру присмотрела,
Напротив дома над лавчонкой небольшой,
Покрасила с мамашею умело
Её блестящей краской светло голубой.
Письмо жене механика послала:
"Привет! В порядке всё, готово приезжай!
В Америку сердечно приглашала,
Изнервничался твой. Лети скорей! Прощай!"
Приехали... и грязь... и захоlustье...
Ни пляжа близко нет... Ни южной красоты,
Ни дома своего, лишь море грусти,
Расстали внезапно знойные мечты.
Назад вернуться захотелось сразу,
Зачем был продан наш уютный, чистый дом?
Где обещанья кума и рассказы?
Мы со слезами жизнь в Америке начнём.
Мириться нужно было с переменой,
Чужой язык, да и родные далеко,
Пустой квартиры голубые стены,
Ну, как не приунуть? Привыкнуть не легко.
Но постепенно намечая сроки,
Их жизнь вошла вполне в нормальное русло,

Доллары перевесили упреки,
А Хризантемову немного повезло.
По специальности нашёл занятие—
Болванки научился в инчах штамповать,
Купил жене четыре новых платья
И собирался в Аргентине побывать.
Хоть узы кумовства и ослабели,
Но все же между ними связь еще была,
Их родственные чувства побледнели,
Кум занят был теперь, закручивал дела.
Скупал дома, другие делал сделки,
Финансово во всём заметно выросал,
И рисковал и накапливал не мелкий,
А только крупный и солидный капитал.
Однажды как то на семейной встрече,
Мадам Верба́ блестящий сделала обед,
Приходом кума вечер был отмечен,
Он постарался вырвать время для бесед.
У Хризантемова спросил с улыбкой
В долг тысяч пять всего, по—родственному взять,
Но Хризантемов это счёл ошибкой
И отказался куму эти деньги дать.
Мадам Верба́ расхваливала брата,
Его достоинства подчеркивая вновь:
Он умный, добрый, знатный и богатый,
По праву заслужил почтенье и любовь.
Ты сделал для себя, сказала, хуже
Его запрос к тебе не посчитал за честь,
Как мог ты отказать? Опять к нему же
Настанет час, поверь, на четвереньках лезть.
И сколько сделал он тебе бесплатно...
А ты ему занять копейку пожалел,
Тут наш механик в раже безвозвратном
Обиды не стерпев, совсем рассвирепел.
Послал её он далеко, возможно,
Не помнит до сих пор деталей никаких,
Покончил с дружбой вдруг неосторожно,
Но кто не ошибался в действиях своих?
Мы выпивали, ссоры не заметив,
Не принимая к сердцу этого пока,
Готовы, правда, были мы ответить:
Придется каждому в душе страдать слегка!

Сильны у русских совести укоры,
Желаєте, спросите каждого из нас,
Нам мир худой дороже доброй ссоры
Никак друзей терять не выгодно сейчас!
Особая заслуга капитала,
Живем теперь мы все в загадочной стране,
А сила денег всюду побеждала,
Мы сжились, кстати, с этим фактором вполне.
Мы славно вместе пили в Аргентине,
В Америке свободной, как же нам не пить?
За мир давайте выпьем с вами ныне,
Впоследствии друзей придется помирить.
Мы к переменам всяческим готовы,
Мы учимся свободно думать и дышать,
Мы начинаем верить в Божье слово:
Правдиво сердцем человека понимать!
У всех у нас различные дороги,
Но по России нас одна роднит тоска
И как нам, в сущности, не нужно много,
И как для всех для нас Россия дорога...

*

Как много вдов живет в посёлке нашем:
Свяшинская, Сорняк, Телёнкина, Хайло,
Одна другой умней, богаче, краше,
Но счастье ни к кому вторично не пришло!
Зато к Софроновне! Она смелее,
Пересекла недаром дважды океан,
Они приехали ведь из Сиднея
Из жарких дальноводных Австралийских стран.
Там "климаты" не шли к сибирской стати,
Толстовский фонд перевестись сюда помог,
Она — невеста, муж пошёл к расплате.
Нигде не спрячешься, находит всюду Бог!
Сейчас о ней поговорим сначала,
Всё сразу может станет Вам, земляк, ясней,
Сказал Мороз — за домик хочет мало,
Его, возможно, Вы откупите у ней.
Вдова с собачкой, с домиком старинным,
Софроновна давно искала жениха:
Непьющего, с деньгами и с машиной,

В почётном возрасте, подальше от греха.
Их много у неё перебывало,
Хотя по вкусу не пришёлся ни один,
И снова каждый раз она сначала
Искала новых встреч и общества мужчин.
Недавно после переписки краткой,
Нежданно чудный гость явился прямо к ней,
В дождевике на меховой подкладке
И с уважительною мягкостью речей.
Понравились: и головы посадка,
И рост, и слов неповторимо нежный стиль,
А сердце заручилось вестью сладкой—
Да, он имел свой дом! И свой автомобиль!
И в первый день знакомства, словно в сказке,
Они ходили вместе утром в магазин,
Она варила борщ с умелой лаской,
А гость её сиял в красе своих седин.
На завтра гордо сделала пельмени
И даже тесто на ватрушки развела,
Преобразилась, с резвостью осенней
Помолодевши хлопотала у стола.
Арсений Куприянович блаженно
Дремал держа газетку русскую в руках,
В предверии трапезы совершенной,
Слегка похранивал с улыбкой на устах.
Откушавши на креслах посидели,
О дружбе говорили долго и любви,
Друг другу с кротостью в глаза глядели,
Приоткрывая тонко замыслы свои.
Спокойно было, радостно приятно,
А позже наблюдали сводку новостей,
Саму собою сделалось понятно:
Судьба—съезжаться вместе нужно им скорей!
На третий день её позвал он в гости,
Проехать завтра в Вашингтон к нему вдвоем,
"Собачку здесь соседке Вы подбросьте,
Я это обсудил давно со всех сторон,
А там посмотрим вместе как всё будет",
Она ему сказала: "дом могу продать,
И в Вашингтоне русские есть люди,
В Нью Джерзи страшно надосело мне скучать!"
Всё решено и к сборам приступили—
Она помчалась в банк, потом в "Э. Пи" зашла,

Морозу как таксисту позвонили,
А вечером она собачку отнесла,
Вдруг сердце заболело от разлуки,
С собачкой расставалась в первый раз, с родной,
Задумалась и опустили руки,
Уныло шла потом одна назад домой.
Пришла, а он виновник расставаний,
Как видно только этого, возможно, ждал,
" Ко мне садитесь ближе на диване,
Совсем я вам всего еще не досказал:
Как хорошо, теперь собачки нету,
Смотрите на меня, любуйтесь только мной,
Готов на всё, вы лучшая на свете,
А вот когда вернётесь вы домой—
Перетрясём всё барахлишко ваше,
Ну а собачку лучше вам пристроить здесь,
Ей места не найдется в жизни нашей
И на второй этаж не нужно будет лезть. "
" Как смеете вы мне сказать такое?
Я в жизни не пойду на это никогда,
Не смейтесь над собачкой дорогой,
Забьли про свой и про мои года.
Не нужно... До свиданья... Уезжайте...
Как вы посмели мне слова эти сказать?
Иду я отдохнуть, и так прощайте,
Я вас не выйду завтра утром провожать! "
С тоской один отбыл он помрачневший,
Гудок его "такси "прощальный отгудел,
С закусками кулёк осиротевший,
На зло забытый им, на столике белел,
Софроновна к соседке побежала
И принесла свою собачку на руках,
Её она волнуясь целовала
И лаской награждала нежности в словах.
Сейчас устами Пушкина поэта,
Хотелось бы вдове сочувственно сказать:
Ах, как возможно, близко было это,
Но счастье так легко случайно потерять!
Нет, мы живем в другое время века
И на чужбине свыклись, родину забыв,
Коль выгодно бывает человеку
Он "жертвует" собой, обиды все простив.
Звенит звонок заветный телефона:

"Халло!"—"Хэлло из Вашингтона!"—"Это он!"
 И тают и слова и полустоны
 И светит снова солнце ей со всех сторон.
 Сверкает луч надежды умиленной,
 Поехать, всё таки, к нему она должна,
 Восьмой десяток лет, вдове влюблённой
 Навстречу, кажется, идет сама весна!
 Американская с грозой, с торпéдо,
 Свободная весна с разливом мощных вод,
 С волнением, и потерей, и победой,
 И переездами, собачка тут не в счёт!
 А пожалуй они и не успеют,
 Ведь это, может, их судьбы последний зов,
 Ди. Пи. и те с другими молодеют,
 Любому возрасту покорствует любовь!
 "Земляк, на домик крепче посмотрите,
 Со всех сторон владенье можно обойти,
 Устроим всё по форме, захотите!
 Гарантия! Постройки лучшей не найти!"
 Не состоялась, нет, покупка эта,
 С другими будет у Мороза разговор,
 Есть у домов, как у людей секреты,
 Судьба выносит свой им также приговор...

*

И вдруг, когда и как это случилось?
 В Америку ворвалась буря перемен—
 Семья, дав трещину, переломилась,
 Ввергая общество в своей свободы плен.
 Сыны, отцов поступки осуждая,
 Восстали против них и жизненных начал,
 А дым наркотиков, спор упрощая,
 Всеместно утверждал "идейный ритуал."
 Как будто эпидемия болезни
 Вошла в страны цивилизацию глумясь,
 Её толкая неотступно к бездне,
 Устои жизни старой, повергая в грязь.
 Потерянного сила поколенья
 Спеша входила в жизнь преступною пятой,
 Шли грабежи, убийства населенья,
 Пороков пополняя перечень шальной.

Менялись молодёжи увлечения:
То битники, то хиппи, культуры, то террор,
Искали идеалов и стремлений
И ощущений незнакомых до сих пор.
Пока еще война шла во Вьетнаме,
Предлогам для протестов не было конца,
Кипели в беспорядочном бедламе
Разнузданные страстью прихоти сердца.
Когда ж война закончилась однако,
Осталась молодежь без цели, без идей,
Исчезли шествия, дебаты, драки,
Ни стало баррикад, ни пламенных речей.
Но выросла преступность без пределов,
Перевоспитывая бывшую мораль
И грубо порнография смелела,
Казалось русский шёл в Америку февраль.
А мы пока свидетели живые
Определенной эволюции веков
Истории страницы прожитые
Внесли в земной журнал далёких берегов.
Коснулись перемены всех нас тоже
И не было семьи, пожалуй, среди нас,
В которой мир бы был не уничтожен
И свой не потускнел любви иконостас.
Сын старший Леся тоже изменился,
Он тяготился складом жизни трудовой,
Любить свободы сладость научился,
Вкусив мыслений новых дух передовой.
Всё вызывало недовольство дома:
Еда, одежда и обязанностей ряд,
Ждал с нетерпением школьного диплома
И отчий дом сейчас покинуть был бы рад.
А тут еще к тому же он влюбился
И в гордость школы—Маргариту Халлидей,
В одном он классе вместе с ней учился,
И несколько недель сидел он рядом с ней.
Она играла в пьесах очень мило
И пела под оркестр, конечно, лучше всех,
Себе заметно многих подчинила,
Удвоив этим популярности успех.
Всё Маргарите в детстве позволялось,
Носил её буквально на руках отец,
Любая прихоть тотчас исполнялась,

Она росла для покорения сердец.
Была она немного своснравна,
Везде свободы новой задавала тон,
Во всем всегда считалась самой главной,
А Игорь был в неё безропотно влюблён.
Его она с азартом поучала
На ноги стать свои, не слушать никого,
А вечерами "секс" преподавала,
Свободы принципы всегда сильнее всего.
Стал Игорь наш задерживаться в школе,
Он записался членом множества кружков,
Поддавшись чарам сладким поневоле,
Вдыхая тайный хмель горячих вечеров.
Диплом и выпуск... Школы окончание...
Судьбою сверстники, увы, разделены,
Надежд зарницы, слёзы расставанья,
В бреду ушедших дней стремительной весны...
Билл Халлидэй отправил Маргариту
В колледж в Охайо в лучший, самый дорогой,
Хотел он дочку сделать знаменитой,
Быть может примадонной оперы большой!
У Игоря сложилось всё сложнее,
В колледж он штатный, правда, принят тоже был,
Но лишних денег вовсе не имея,
С трудом Лесь за семестр за первый заплатил.
Семья работу Игорю искала,
Она б смягчила бремя непосильных трат,
Его душа в разлуке изнывала,
Он заскучал совсем и жизни был не рад.
В колледже девочки студентки вскоре
Прибрали Игоря под тёплое крыло,
Решая лаской скрасить его горе
И дружбой залечить разлуки первой зло.
А Маргарите не везло в Охайо,
Там звёзд хватало местных без неё и так,
Сложилась ситуация иная,
Она считаться первой не смогла никак.
Ни голосок, ни дерзкие манеры,
Ни беспокойно переменный пылкий нрав,
Не вызвали восторгов неизмерных,
В дневник успеха не вписали новых глав.
Здесь героиня наша задышалась,
Грустя о прежних днях, столь бурно прожитых,

Одно лишь утешенье оставалось
От Игоря ждать писем нежных и родных.
Но приходиться к ней реже стали,
Фиаско потерпеть она бы не смогла,
Не поддаваясь голосу печали,
Атаки новый план она свой начала.
Письму сверхсрочное она послала
С призывом ехать к ней немедленно сейчас,
Без Игоря безумно тосковала,
Увидеться им вновь пришёл желанный час.
Им встретиться теперь необходимо,
Да, без него жить невозможно стало ей,
Влюбленный Игорь радостью гонимый
Послушно поспешил на зов любви своей,
И бросил всё без размышлений сразу
Колледж, работу, отчий дом родной,
И словом не обмолвившись ни разу,
Уехал, не вернувшись вечером домой.
Не передашь того, что пережито
Волнений сколько было, и тревог, и слёз,
И горечи обиды незабытой,
И ссор, и жалоб, и страданий, и угроз.
Потом вернулся, всё переменялось,
А через год ушел из дома навсегда
И боль прошла, хотя и не забылась
И не забудется возможно никогда.
Ушел к своей любимой Маргарите,
Она в его колледж весной перевелась,
С настойчивостью прежней деловитой
За новый план побед активно принялась.
Он вскоре был приведен в исполнение:
Отрыв от матери и всей его семьи,
Сожительство и даже обручение,
Женитьба, наконец, весь план: этапа три.
Обветрилось, прошло и отболело,
Нельзя не согласиться: дети подросли,
Они ушли навстречу жизни смело,
Их отзвучало детство краткое вдали.
Открыты в жизни каждому дороги,
От нас зависит выбор тоже может быть,
Не будем осуждать друг друга строго,
Пришлось и нам самим влюбляться и любить.
Бывает у родителей похуже,

Вот Надя в церкви русской видела на днях
Сестру Телёнкиной Галины с мужем,
Какая скорбь вины была в её глазах.
Пред клиросом печально преклонилась,
Худая, скромная, страданий лик земной,
И как она несчастная молилась,
И как старалась здесь найти себе покой.
Найти его ей было не под силу,
Все дети, трое у неё было детей,
Их страсть к наркотикам всех погубила,
Всех трёх: и дочь и двух подростков сыновей.
Молилась мать, молитесь с ней другие,
Не сберегли детей, но чья это вина?
Молитва всей рассеянной России
На паперти свобод особенно сильна.
Победа лжи расшатанного века,
Грозящего земле неслыханной войной,
Единой только верой человека
Спасти удастся мир в развязке роковой.

*

Концерт в Сиднее. . В многолюдном зале
Собрался знати Австралийской цвет,
Билеты все, как видно, распродали,
Заполнены ряды и мест свободных нет.
Притушен свет на краткое мгновенье,
Чарующим потоком музыки и слов
Чайковского и Пушкина творенья
Победно ввысь несёт души славянской зов!
Поёт на сцене русская артистка
И задушевно, зажигательно поёт,
А у рояля Ражкэ—пианистка
Известная, а ей заслуженный почёт.
Рахманинов. . . И покоряет Зоя
Совсем восторженно притихший зал
И "Чайка" Лесина, а это что такое?
Такого критик Австралийский не слышал?
Гармонии бесчисленной созвучья,
Волна кипящей пены взмыленной седой,
Аккорды, проносящих бурю, тучи
С рыданьем чайки обезумевшей морской.

Залётной чайки, серой, бесприютной,
Из брошенной, родной, далёкой стороны
И русской публике, всей абсолютно,
В романсе жалобы судьбы своей слышны.
А австралийской? Не без оснований,
Прослушенная "Чайка" взволновала всех,
Взорвался зал грозой рукоплесканий,
Единогласно Зоин праздную успех!
А в воздухе зареяли контракты,
Восторженно—хвалебный утверждая сон,
Но Зоя здраво принимая факты,
Реальности учла действительный закон.
По радио взяла две, три программы,
От остальных же отказаться предпочла,
Но позавидуйте ей всё же дамы:
Она остановиться во время смогла.
Признание опоздало, и таланта,
Увы, надолго, знаю, уберечь нельзя,
Но это доля наших эмигрантов—
Нам в жизни выпала тернистая стезя.
Актёры, композиторы, поэты,
Как много среди нас талантливых людей,
Писатели, художники, —по свету
Рассеялся наш свет непризнанных огней.
Не всем дала судьба сверкнуть во мраке,
Хотя бы раз один, огнями чар своих,
Но ктонибудь развеянные злаки
С любовью соберет и пересадит их.
О нас России ктонибудь расскажет,
История заботу любит проявлять
И находить душевные пропажи,
А нам посмертно могут должное воздать!
Пока же лучше возвратиться снова
К насущным нуждам будничных начал,
Запросам дня безвестности суровой,
Оставив позади дарящий славу зал...
Хлопот и дел у Зои было много,
Помочь поднять на ноги Колиных детей,
А сердце горестно молило Бога:
Наладить с дочкой мир общения своей.
Но дочь от Зои помощь принимая,
Держалась вдалеке со снисхождением к ней,
С каким то другом комнату снимая,

Жила во власти звёзд его земных страстей.
У них недавно Зоя побывала,
Связующим, конечно, с дочерью звеном
Очаровательная внучка стала,
Ведь бабушкой быть почётный долг притом!
Девица—мать нуждалась в попеченьи
И благосклонно принят Зоин был визит,
Но почему то не привел к сближенью,
Хоть ситуация и ссорой не грозит.
На нервах крепко отразилось это,
Понять современный образ жизни трудно нам.
И Зоя тяжело болела летом,
А Коля развозил её по докторам.
На родину проехать захотела,
Анкеты в Интуристе всякие взяла,
Одну заполнила довольно смело
И кажется задаток денежный дала!
Пришло письмо от Лёся и от Нади
С большею вырезкой редакторской статьи
Из "Слова Русского": как в Ленинграде
Сводило К. Г. Б. с Ди. Пи. счета свои.
Как до сих пор Дишестов обвиняют
В расчётливой продаже родины своей,
Как им дела на месте "пришивают"
И как их задержать там может "гнев" властей.
Всё смогут вас там подписать заставить,
Подумать о поездке крепко надо всем
И лучше завещание составить,
Туда поездка может выйти "насовсем."
Статья ли эта, новая анкета,
Боязнь ли подвести приездом стариков,
Решили Зоя с Колею по свету
Проехать по "Востоку" западных миров.
Вначале в Израиле побывали
И в Индию чудес отправились вконец,
В Бомбее на слонах их покатали,
В Джайпуре поместили в сказочном дворце,
Возил их гид в Буддийские пещеры,
Водил в музеи, храмы древней старины,
Увидели красу нездешней эры
Восточной бедной, яркой, сказочной страны.
Собаки, люди, свиньи и коровы

Всё ходит, всё орёт, волнует и страшит,
Толпа богиню славит жертвой новой,
Фанатиков, калек клокочет плебисцит.
Верблюды, рикши—велосипедисты
Как в сказке, мир чудес невиданных поёт,
Через столетье в откровеньи чистом
Туда и наше время, может быть, дойдёт.
Картины необычных впечатлений,
Поверить даже трудно самому себе,
Назад... Домой... В очаг своих сомнений
К обязанностям дня! Возврат к своей судьбе!
Болезни, операция, работа,
Опять обычной жизни повседневный плен,
И внучка, дети Колины, заботы,
А в обществе хаос спешащих перемен.
Так незаметно после возвращения,
Действительно с тех пор уже промчался год,
Из хорошела внучка, без сомненья,
А Коля в январе на пенсию идёт.

*

Болезн ли ты Берёзовской болезнью,
Как многие Ди. Пи., приятель дорогой,
Иль выбрав для себя предлог полезный
Ты просто свыкся с биографией иной?
Покойный Аргус написал когда то
По этому вопросу славный фельетон
И поучая нашего в нём брата
Советовал блюсти молчания закон.
Но вечно лгать изрядно надоело
Писатель Родион Берёзов—Акульшин
Решил одним из первых смело
Признанием зажечь свет праведный души.
Быть может, в благодарность государству,
Принявшему его и всех таких как он,
Забыв союзников войны коварство
В минувших выдачах столь памятных времен.
Советских беспощадно выдавали,
Без промедлений выполняя план сухой,
Бумаги выдач в Ялте подписали
Людей, как скот, штыком, сгоняли на убой.

Из тех кто смюг свою спасая душу
Достать себе бумага с именем другим,
Тот голос совести своей не слушал,
Желаньем: выжить и спастись был одержим.
Не всё ль равно—Ивана больше нету?
Но Ян зато—финляндец —здравствует посель!
Писались аккуратные анкеты,
Жена моя, учти, не Галька, а Адэль!
Такого, братац милый, накрутили,
Совсем собьешься с толку, будешь сам не рад!
Мы признаваться с земляком ходили,
Тенерь все казаки по правде жить хотят!
Но свет признаний сих чистосердечных
Сначала никого порадовать не смюг,
Грозили депортацией конечной
За лживость сведений—намеренный подлог!
К закону всё таки поправку утвердили,
Берёзовская хворь—как мы её назвав,
Проверили, заметили, остыли,
Весь вскоре инцидент забвению предав.
Прошло и это, жизнь летит шальная,
Здесь, кстати, занят каждый чем нибудь своим,
Не поленись себя обогощая
И уровень богатства станет достижим.
Во—первых, дом, свои автомобили,
Образование дать детям , их поднять,
А мы закалку жизни получили,
Лишений нам и жертв своих не подсчитать.
Олег колледж закончил музыкальный,
Теперь учитель он, на ноги свои стал,
Лесь сыну помогал во всем буквально
И к музыке любовь с рожденья прививал.
Стареют Лесь и Надя. Бодро годы
Без промедлений торопясь бегут вперед,
И горизонт сузился небосвода,
Всё ближе солнца жизни тающий заход.
Скончался Баламут—сосед от рака,
Повесился Свящинский, кончил путь Митро,
Скучает Галя по законным дракам
И с дочкой Валькою тоскует по старбм.
Субницкие купили фарму вроде,
Курипочкина с другом казаком сошлась,
Свящинская одетая по моде,

На фабрику духов работать нанялась.
Софроновна невестою осталась
Из за неясных неполадок с женихом,
Собачкой по приезде утешалась,
Теперь чинить сама задумала свой дом.
С женой уехал Игорь к Халлидэям,
Они в далёкой Калифорнии живут,
Дамбровские в отеле на Бродвее
Уроки пения попрежнему дают.
В Италии недавно побывали,
Забыли русскую совсем родную речь,
Артистам странности всегда прощали,
Всё может вдохновить, занять их и увлечь.
Пройдет и это вскоре увлеченье
И старость громко в двери постучит и к ним,
Уходит быстро наше поколение,
Порывы жизни сей развеивая в дым.
Закроется последняя страница
Упорной нашей эмиграции второй,
К своей родной земле любви зарницы
Нас породнили здесь с людьми земли чужой.
В изгнании ярче истины простые,
Здесь Божьей силы утвердилось бытие,
Мы веруем в свободную Россию
И в рост грядущего величия её.

*

Безрадостен в изгнании путь поэта
Творителя искусства в области любой,
Творить—твори! Тебе запрета нету,
Свой людям дар вручить, увы, вопрос другой.
Как будто веришь: мир свобод печати,
Казалось бы отказа не придется ждать,
Но без знакомства и без денег, кстати,
Ты ни о чём не можешь даже и мечтать!
Так раньше было и у Леся с Надей
Сначала бегали в издательства они,
Отказ везде и холодок во взгляде:
"В своей бездарности ты сам себя вини!"
Повсюду безразличия лавина,
Непроходимого бесстрастия звено,

Бросали ноты в сорные корзины,
И с ними рукопись туда же за одно.
Но оставалась всё таки дорога—
Самих себя издать и за набор платить,
Средств лишних было так еще немного,
Пришлось заветный план на годы отложить.
Со временем препятствия мелели,
А сердце снова жгла мечта заветной страсть—
В НьюЙоркской типографии сумели
"Метели" отпечатать небольшую часть.
Потом с печатаньем пошло быстрее
Наборщик отыскался русский сатирист,
Он несомненный опыт сам имея,
Им посчитал дешевле за печатный лист.
Но как же до читателя, скажите,
Свой труд законченный нам всё же донести?
Есть люди русские везде, смотрите,
И слово русское, как будто бы, в чести.
Нет, впрочем, лишних денег заграничей,
Хоть денежный вопрос теперь волнует всех,
Без чтения книг здесь многим лучше спится,
Простить их потому, возможно, и не грех.
На крайнюю решились меру вскоре
И книжки стали безвозмездно рассылать,
Так дней былых "взволнованные зори"
К читателю смогли достойно попадать.
К ним русских писем потекли потоки
Из разных стран и дальних уголков земли
Повсюду был читатель одинокий,
Они везде теперь читателя нашли.
Профессора, врачи, пенсионеры,
Писали все, кто не забыл язык родной,
Простые люди, люди разной веры,
Те чьих судьба была затронута войной,
И Надина "Метель" пошла по свету,
Фонд вскоре вырос высылки бесплатной книг,
Пришли к читателю труды поэта,
Собой признанья приглашая светлый миг.
А с нотами куда было труднее,
Никто за деньги издавать их не хотел
И если бы не Лесь с его идеей,
Он способ собственный придумать сам сумел.

А был он исключительно способным
И многое в ходу работ изобретал,
Так музыку сравнительно свободно,
Без всякой помощи он сам печатать стал.
Сам приобрел различные машины,
Конечно, свой лишь труд не принимая в счёт,
Удешевил процесс наполовину,
Ускорив этим всем мечты своей полёт.
Запели дети в школах его песни,
Его романсы зазвучали у певцов
И просьбы срочно выслать ноты Леся
К ним потекли рекой со всех земных концов.
Подкрался вскоре возраст пенсионный
И Лесь и Надя окунулись с головой
В глубь творчества стихии непокорной,
Своею дорожа "осеннею весной".
Прожить друг с другом жизнь, как много значит —
Любовь, привычка, близость, общий интерес—
Всё это вместе, так или иначе,
Благословение желанное небес.
От мысли от одной: не станет друга,
Не будет солнце больше на земле сиять,
Но разве это их была заслуга,
Им, видно, выпал жребий счастье испытать.
Слова писала текстов Надя Лесю,
Для сказок и поэм Лесь темы находил,
Они всегда сотрудничали вместе
И вдохновенья мир согласие дарил.
Их творчество свой вклад внесёт, возможно,
В цивилизацию сокровищницы лет,
И наградит достойно и надёжно,
Тех в ком культурности горит духовный свет.
Ценителям искусства, людям мира
И просто смертным может предстоит признать,
Талантов силу тех, чью Божью лиру
Не могут цензоры столетья замолчать!
Но перейдем—ка к общему вопросу,
О всех, о нас Ди. Пи. опять поговорим,
У каждого из нас свои запросы
И мы пока живём: сдаваться не хотим!
Насущных нужд бессменные заботы,
Затянутые в омут будничного труда
И тяжкий натиск жизненного гнёта

Минувших лет борьбы нестертого следа.
Конечно, эмиграция вторая
На родине бы больше пользы принесла,
Но скольких бы там власть бездушно злая
В могилу раннюю безвременно свела.
И скольких бы в неволе бы сгноила,
На север бросила бесправных лагерей,
Уколами в психушках придушила,
В подвалах тюрем извела б рукой своей.
На западе ей жизнь прожить судилось,
Жизнь этим утверждая самым—жизнь свою,
К свободному народу приобщилась
В многоязычную став братства колею.
Америку мы нашу полюбили,
Для нас она явилась родиной второй,
Ди. Пи. своих детей ей подарили
И с ней удел судьбы во всём связали свой.
Мы на пороге третьего столетья,
Уходят люди эмиграции второй,
На смену нам идут отряды третьей
Напористой, упрямой, быстрой и живой.
Права земные человека смело
Они стремятся часто жизнью защитить,
Всем жертвуя во имя правды в целом
И выбирают путь: не по указке жить!
Их голоса к общественности мира
Направлены звучнее наших голосов,
Разоблачают лживого вампира
Свободной мыслью правды страждущих веков.
Свидетельствуют о народном горе,
Бесправии в стране советских лагерей,
О пропаганде в сотканном узоре
Зла, нищеты и лжи несбывшихся идей.
Исход мозгов народа из России,
Плеяда умных, образованных людей,
Границы двоемыслия простые,
Переступивших нетерпимостью своей,
Решивших жить по совести законов
И быть самим собой без клеветы и лжи,
Свободной мысли ждущих перезвонов,
Собой безгласности сломивших рубежи.
Их ждет, возможно, разочарованье,
Лишения, заботы будничного дня,

Но требуют они к себе вниманья
Расцветом сил своих духовного огня.
Наш запад дремлющий предупреждают
О близости коммунистических угроз,
Секреты зол Российских открывают:
Насилия, нужды, страдания и слёз.
Знакомят с безисходным положеньем
Страны рабов Архипелагских лагерей,
Путь к правде Солженицынским твореньем
Несут в свободный мир они в сердца людей.
Им, как и нам, конечно, к сожаленью,
Придется через опыт тот же перейти:
Отвёрженности, фарса униженья—
Всех атрибутов эмигрантского пути.
Но как сказал один из иммигрантов:
Бег на дистанцию далёкую—наш путь,
Мы сами слушаем судеб куранты
И, может быть, и в них изменим чтонибудь!
Живем в эпоху мы событий важных,
День каждый перемен с собой приносит рои,
Три эмиграции сближает разных
Любовь к потерянной стране своей родной,
Любовь к больной, истерзанной России,
К корням оставшимся измученной земли,
Принявшим бурь искания земные,
И вера в правды свет зажечь свобод огни!

*

Давно не вспоминали мы Мороза,
А друга вспомнить стоит тоже, как никак,
Встречали с ним мы трудностей угрозы,
Соседу пояснял мурщинистый казак.
Ведь мы когда то вроде как дружили,
Приспособлялись к новой жизни с ним вдвоем,
В бараке стареньком с Морозом жили,
Питаясь утром вместе хлебом и борщом.
Я мыслю так, он говорил мне часто:
"Свободу нужно понимать и уважать!
С другими сможешь жить и ты согласно,
Но не спеши своих традиций забывать!

Попробуй жить по-своему, без наказов,
Свои решенья веры взявши на учёт,
Увидишь правды свет житейской сразу
И размышлять начнешь, как я наоборот. "

На том участке резал он деревья,
Землицу эту сам у речки приобрёл,
Там находилось наше помещенье
И также пара ульев полудиких пчёл.
Он корчевал деревья мудро очень:
Сперва загонит клинья, троссы закрепит,
Всё больше к вечеру, а то и ночью,
И ветра ожидая в будочке лежит.
Но выходило, правда, к удивленью,
Природа побеждала, с нею и Мороз,
Он приспособив дерево к паденью,
Одним лишь наблюденьем разрешал вопрос!
Судьба нас, впрочем, вскоре разделила,
Увлёк меня, на старость глядя, женский пол,
Куриночкина в гости пригласила,
Бесплатно предложивши комнату и стол.
Мороз меня и познакомил с цеою,
Присматривался к ней давно он видно сам,
Но я достойно оценивши Целагею,
Пришёлся ближе ей по виду и словам.
Сонлися наши с ней скажу дороги,
Ещё я не женат, но я не холостой,
Исчезли одиночества тревоги,
Доволен, словом, я сейчас своей судьбой.
А видел я Мороза в Патерсоне,
Он изменился и немного постарел,
Но разговор ведёт всё в том же тоне,
Горит он радостью свободы, как горел.
Всё ищет места, где бы приземлиться,
Видать объездил много старческих домов,
Но не решил на чём остановиться,
Хотя и выбор сделать в основном готов.
"Взять штатский дом-заминка там с гуляньем,
Толстовской фармы дом, но отдыха там нет,
А больше труд, он вопреки желанью,
Славянский дом хорош, но там в обрез обед.
Хоть далеко до Новой до Кубани,
Но там для нас пока свобода, братец, есть,

Поездка будет в недалёком плане,
Возможная туда, но надо всё учесть. "
Он всё любил проделывать секретно,
Так операцию свою по грыже скрыл,
Я помню как друзьям потом конкретно
Причину этого поступка объяснил:
"Во первых, был бы повод для волнения,
Возврата из больницы в этом был залог,
Могли бы сглазить тоже, без сомненья,
Больного огорчить, не осуди их Бог.
Сам обратился с просьбой лично к Богу,
И для приличия просил: не огорчай!
В молитве не высказывал тревоги;
Один годок ещё прожить на свете дай!
А то и два, а может и десяток,
Оно Тебе виднее, Господи, с небес,
Делов земных имею непочаток,
Загробных не спешу знать тайнств и чудес. "
Последней оказалась эта встреча,
Беседу провели на улице, на спех,
Природной Божьей мудростью отмечен,
Исчез бесследно необычный человек.
Он никому не написал ни слова,
Теряются в догадках все его друзья—
Живет ли в доме он Кубани Новой,
Пока его вблизи нигде найти нельзя.
От всех свой адрес держит он в секрете,
Над всеми нами на прощанье подшутил,
Увидимся ли с ним на этом свете?
Никто его из нас, конечно, не забыл.
Из самородков вышел, верно, он народных,
Чьей славе на Руси положено блистать,
Как Ломоносов, Репин, будь судьбе угодно,
Он с ними в ряд один, наверно, мог бы стать.
Задумался механик Хризантемов,
С трудом с соседом распрощавшись через час,
О старости затронутая тема,
В Америке теперь тревожит чаще нас.
Об этом мы бы думать не хотели,
Но "зрелости седой" и к нам подкралась тень,
Мы так бы бесконечно молодели
И берегли свою наследственную лень.
Механика дела шли неудачно,

Хоть зарабатывал неплохо он с женой,
Но в Аргентине дочь для жизни брачной,
Потребовала суммы денежной большой,
Устроить свадьбу, самому поехать,
Туда жену отправить на изрядный срок,
Всё хорошо сошло, одна помеха:
Пошли ли всё таки расходы эти впрок?
Свой дом приобрести при этом трудно,
А тут успехи налицо всех кумовьев,
И на душе томительно и нудно,
Расстроиться всерьез механик наш готов.
При встрече уточняет Шарабанов
Удвоенных доходов суммы каждый раз
И крестнику из "тайного кармана"
По сотне выдаёт долларов "напоказ."
Скупив с трудом дешёвые домишки,
Закатывал ремонт им кум "на высоте",
Продать их смог с значительным излишком,
И вот комплекс квартир купил на деньги те.
Он не забыл мамашу и сестрицу,
Они не в далеке здесь в городке одном,
А муж сестры Вёрба при нём трудится,
Совместный труд, друзья, залог побед во всём!
Сегодня, как в далёкой Аргентине,
Собрались вместе на беседу кумовья,
По той же уважительной причине,
Гостей приветствует механика семья.
Как в старину, но как всё изменилось,
Года летят вперед, а жизнь уходит вспять,
И потому, пусть чтобы не случилось,
За дружбу тост поднять приходится опять!
За кумовьев и бедных и богатых,
За жизнь в Америке, за выросших детей,
За всех Ди. Пи. доживших до заката,
Вдали родной страны среди чужих людей.
Ди. Пи. —они—освоились, осели,
И приспособились к порядкам новизны,
Но не согнулись и не почерствели,
Войдя в живой поток метущейся страны.
Америку всем сердцем полюбили,
Познав свободы ценность для себя земной,
Но всё таки Россию не забыли
И тянутся к народу русскому душой.

Бушуют в мире тёмных сил стихии,
С земли сметая веру, счастье и покой,
Взойдётся ли ты на трон веков, Россия,
Очистив ото лжи убогий облик свой?
Воспрянешь ль духом в муках очищенья
И к свету правды ль поведёшь слепой народ?
Вняв радости Всевышнего прощенья,
Зажжённая огнём непознанных свобод?
Пути Господни неисповедимы,
Живем мы на земле взлелевший, грозный час,
Метель войны кровавой повторима,
Ждут вьюги перемен неведомые нас.
Ты вновь воспрянешь в бурях ли, Россия,
Порывов пламенных и подвигов полна,
Свобод зажгутся ль радуги степные,
И рухнет ли преград железная стена?
Придет конец всемирного ль раздора?
Свободной полной грудью радостно дыша,
Вновь обновлённая в живом задоре
Проснется ль русская чудесная душа?
Земля, снега, просторы ледяные,
Гимн солнцу молодой весны ли запоют?
Зажгутся ль храмов свечи золотые
И славить Господа Единого начнут?
Тебя разбудят ветры ль огневые?
Простится ли тебе грехов твоих вина?
В сугробах лжи застывшая Россия,
Моя далёкая, родная сторона!

*

Осенний вздох... Природа увядает,
Последние цветы теряют лепестки,
Цветные листья молча опадают
И кружатся потом безмолвны и легки.
А смешанное чувство огорченья
Слегка сжимает сердце беспокойной мглой,
Роняет небо, полное сомнений,
Дождя сырой поток усталый, но живой.
Порывы ветра косо бьют по рамам,
Нахмурясь смотрит поседевший день в окно,
Туман и сырость—жизни панорама

Они слились в душе, состарившись в одно.
Как после ласки золотистой лета,
Принять спокойно всё—развязку и финал?
Пересмотревши жизнь свою на свете,
Законам подчинясь изведанных начал?
Увидеть миллионы молодёжи,
Стоящей с вызовом на выгоне декад,
Иллюзий прошлого заветы уничтожив,
Они не смотрят с сожалением назад.
Нам не несут они ни уверений,
Ни радужных надежд на будущее, нет,
Но утверждают ценность наших рвений,
И будят в настоящем наш духовный свет.
Мы ближе к человекопониманью,
Мы научились верить, может быть, и жить,
Не это ли залог земных стараний?
Не в этом ли надежд непобедимых нить?
А стойкость и упорство наших нравов,
Исканье правды нашей на земле чужой,
Вручает дерзким детям нашим право
Не по стандарту жить, но не кривить душой.
Им пережить придется ураганы
И может ужасы невиданной войны,
Мир многоликий потеряет страны,
Переходя дороги скорби и вины.
Но стихнут бури мира грозовые,
Метели отшумят, встряхнув земли покров,
И дети наши выведут Россию
В созвездья дружбы общей будущих веков.
Осеннюю частицею бессмертья
Ушедших наших душ к порогам новизны,
Зажжется мир грядущего столетья
И за зимой сверкнёт луч солнечный весны...
Простых людей земные похождения,
Ди. Пи. —это о нас, читатель дорогой,
По неуклонной воле провиденья
Прожили здесь мы жизнь на родине чужой.
У каждого из нас была своя дорога,
У всех по разному сложилась жизнь у нас,
Судеб свои подводятся итоги,
И всей трилогии кончается рассказ...

Приводим полностью письмо от писателя Виктора Морта с отзывом о поэме "МЕТЕЛЬ" Елизаветы Кукловской.

Многоважаемая Г-жа Кукловская!

Вашу небольшую изящно изданную книжку прочел очень внимательно и искренно говорю: ХОРОШО!

Описать войну, сражения, эвакуацию и т. п. прозой — не фокус, но вот стихами, звучными, простыми и доходчивыми — это искусство и Вы им овладели. А страшная глава о гибели заключенных и о зверской расправе с еврейми. А рассказ Нади? Как просто и как страшно. Сам это видел в Киеве. Очень умно и по деловому даны примечания к поэме.

Как хорошо звучат слова:

"Там воин советский стал русским солдатом.
Хозяином русской земли."

Охват Сталинграда, стратегия и тактика войны и окружения — просто не верится, что эту историю войны написала женщина, а не военный. А теплая лирика главы 10-й, с юмором и слезой!

Взятие Харькова и работа Чека... Чувствуется, что книга написана глубоко взволнованным человеком, возможно, ике это пережившим лично потому что это не сухое изложение фактов, войны и страданий человеческих, а вопль, крик, протест!

Ирония судьбы — рассказ о Праге...

Трагедия выдачи у Кемптена... Печально возвышенный эпилог и обещание второй части этой поэмы. Спасибо, очень талантливо.

Ваш

(Виктор Морт)

Victor Murt

Редакционная коллегия издательства "КНИГИ ПОЧТОЙ!"

Художественный редактор

К. Г. К.

Корректор

А. Н.

Васильков,

Тираж

3.000 экз.

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

RUSSIAN LIFE DAILY, PUBLISHED
BY THE RUSSIAN LIFE INC.

2458 Sutter Street, San Francisco, Calif. 94115.

«БЫЛОЕ» Елиз. Кукловская. Это имя нам известно по повести «Метель» опубликованной несколько лет тому назад и весьма тепло встреченной публикой. Оказывается, что «Былое» это продолжение «Метели». Обе вещи на писаны легким мелодичным стихом, причем для «Былого» взят красивый эпитаф:

Зажженным факелом навеки,
Чудесных тайн былых миров,
Лишь раз приходит к человеку
Весны бессмертная любовь!..

«Былое», это роман прекрасно написанный, и он благодаря стихотворной форме легок в чтении и красиво по-

строен. В нем много лирики, тепла, любви и зарисовок таких типичных для нашего времени. Вещь бесконечно правдива. Хочется добавить, что книжка издана удивительно эффективно, с виньетками, заставками и фотографией Эйфелевой башни — ночью. Что касается г-жи Кукловской, то она помимо авторства этих книг является создателем многих песен и романсов, как для детей, так и для взрослых. Вещи эти очень мелодичны, хорошо усваиваются певцами и тепло принимаются аудиторией.

Музыка К. Кукловского.

Пожелаем же успеха этой паре на таком почетном и важном поприще.

Виктор М.

519 Union Ave,
Paterson N.J. — 07522 USA.

Printed in U. S. A.

Only \$3